

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Павел Усанов

**Загадка промышленной
революции:
какое событие
вызвало промышленную
революцию в Англии**

Препринт М-99/23

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2023

Усанов П. В.

У74 **Загадка промышленной революции: какое событие вызвало промышленную революцию в Англии** / Павел Усанов : Препринт М-99/23. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 54 с. — (Серия препринтов; М-99/23; Центр исследований модернизации).

Препринт посвящен наиболее важному событию в экономической истории мира — промышленной революции в Англии в конце XVIII века. В препринте содержится описание наиболее важных изобретений той эпохи и их влияние на экономику Англии, исследуются существующие на данный момент теории, объясняющие то, почему произошла промышленная революция в Англии в конце XVIII столетия. Автор доказывает, что ни одной теории (Д. Норта, Д. Макклоски, Д. Аджемоглу, Р. Аллена) не удалось удовлетворительно объяснить, почему промышленная революция произошла именно в Англии, а не в другой стране, и почему именно в XVIII веке, а не в другое время. Автор утверждает, что есть событие, которое вызвало промышленную революцию. В существующих на данный момент работах историков и экономистов не рассматривалось влияние этого события. В препринте предлагается оригинальная версия, отличающаяся как от наиболее популярных, связывающих изменения с 1215 и 1688 годами, так и от не очень известных версий, пытающихся объяснить промышленную революцию особенностями английской экономики.

Информация об авторе: Усанов Павел Валерьевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, директор Института Хайека (usanovpv@mail.ru).

Англичанам следует отдать справедливость, что они издавна умели ценить хорошее и в распространении его проявляют грандиозный размах.

И. Гёте «Итальянское путешествие». 27 сентября 1786 года [Гёте 2023: 67]

У Британии имелось необычное сочетание благоприятных условий, которые в совокупности сделали возможным изобретение [паровой машины] Дж. Уатта и его последующее стремительное внедрение <...> до этого не возникло искры, необходимой для того, чтобы привести индустриализацию в движение.

Джеффри Сакс [Сакс 2022: 223–224]

24 февраля произошло событие, изменившее ход мировой истории.

24 февраля 1783 года король Георг III пригласил на пост премьер-министра Англии Уильяма Питта-младшего. И хотя тот отклонил предложение монарха, но уже через несколько месяцев возглавил пост, позволивший ему осуществить задуманное¹. Как это событие связано с наиболее важным явлением экономической истории мира — промышленной революцией в Англии, — об этом читатель узнает в данной работе.

В 1846 году состоялось событие, от которого принято отсчитывать рождение глобального капитализма. Произошло оно в Лондоне. Это было последнее заседание данной организации, в том же году оно

¹ «24 февраля было предложено возглавить кабинет. Питт не стал давать немедленного ответа, взяв время на размышление, но через день известил короля, что согласится на назначение только при наличии уверенности в правительственном большинстве в палате общин, которого никто ему не мог гарантировать. Поэтому, несмотря на попытки его друга Дандаса переубедить его, 27 февраля Питт окончательно написал, что не примет пост» [Hague 2005: 116, 118; Сидоренко 2020: 172]. Такое решение позволило ему получить пост позже на своих условиях.

заявило о самороспуске в связи с выполнением поставленных целей. Это было последнее заседание Лиги за отмену хлебных законов, на котором присутствовали ее лидеры Р. Кобден и Д. Брайт [Бастиа 2003]. Была проделана огромная работа по распространению в общественном мнении той доктрины, которую теперь принято называть доктриной свободной торговли. Хлебные законы были направлены на ограничение импорта хлеба в Англию (прежде всего из Франции). И хотя война с Наполеоном давно закончилась, тем не менее англичане сохранили ограничения, принятые в 1815 году². Эти законы защищали интересы землевладельцев, обеспечивая их высокой рентой. Тех средств вполне хватало на продвижение в обществе всего образа благодетелей, раздающих хлеб и строящих общественные заведения. Казалось бы, у тех, кто выступал против хлебных законов, не должно было быть и шанса на успех. Однако им удалось добиться того, что хлебные законы были отменены парламентом, притом что все члены парламента были землевладельцами или представляли их интересы.

Это событие — финальная точка в нашем исследовании. Промышленная революция уже произошла и из английской превратилась в мировую промышленную революцию — капитализм.

Начальный же пункт нашего повествования — хотя и весьма условно — дата изобретения паровой машины Дж. Уаттом — 1775 год³. Именно от ее изобретения и внедрения принято отсчитывать промышленную революцию в Англии.

Как писал Поль Манту в своей фундаментальной монографии о промышленной революции: «Промышленная революция есть расширение сжатых раньше сил, внезапное распускание и пышный рост зародышей, оставшихся до тех пор в скрытом или дремлющем состоянии» [Манту 2023: 515]. Такое цветистое описание говорит о том, что в основе промышленной революции лежит не одно изобретение, а целая череда взаимосвязанных изобретений, которые следуют одно за другим в непрерывном процессе «созидательного разрушения».

Промышленная революция в Англии — это уникальное историческое событие — ничего подобного не было до и не было после. Это главное событие в экономической истории мира — оно запустило необратимый

² Хлебный закон 1815 года разрешал импорт хлеба лишь в случае, если цена поднимется выше 4 фунтов стерлингов за квартал (291 литр).

³ Патент был получен в 1769 году, на массовый рынок свой продукт Дж. Уатт стал поставлять после 1775 года.

процесс «эндогенизации инноваций», который не удалось остановить и до сегодняшнего дня.

До начала промышленной революции темп роста богатства населения был близок к нулю, уровень подушевого ВВП находился примерно на одном уровне на протяжении нескольких тысячелетий. С начала промышленной революции благосостояние выросло в сотни раз. И произошло это всего за 250 лет. Начало же современного экономического роста неразрывно связано с событиями, которые произошли в Англии в конце XVIII века. Почему же это важнейшее событие произошло именно в Англии и именно в конце XVIII столетия? Почему не в Италии, Германии, России или Китае? Почему в XVIII веке, а не в XII, XIII или XV веке?

Г. Кларк, один из наиболее авторитетных экономических историков автор, книги «Прощай, нищета», демонстрирует то, как промышленная революция изменили ход мировой истории: до начала XIX века так называемая «ловушка Мальтуса» способствовала тому, что уровень подушевого ВВП держался примерно на одном уровне (рост благосостояния за счет редких «экзогенных инноваций» вызывал рост численности населения с последующим сокращением подушевого ВВП), начиная с Английской промышленной революции начинается отрыв Запада и прежде всего Англии от азиатских стран и прежде всего Китая, начинается «великое расхождение» [Кларк 2012: 15].

Примерно до конца XIX века промышленным лидером была именно Англия, потом эта эстафета перешла к США. Рост экономик Запада вызвал потребность в модернизации незападных экономик. Этот процесс стал активно происходить по всему миру.

Но все это уже следствия, а причина кроется в том, что произошло в XVIII веке в стране — родине промышленной революции.

Визуально легко представить себе распространение достижений англичан по изобретению, которое пришло от англичан, — железной дороге. Изобретения Дж. Стефенсона и Р. Тревитика вызвали бум строительства железных дорог исключительно на «Острове», но уже через несколько десятилетий это изобретение стало массово внедряться по всему миру, паутина железных дорог начинает опутывать весь земной шар и доходит и до России, и до США. Это одна из важнейших новаций, так как до это человечество знало лишь «лошадиную скорость» передвижения. Вопрос логистики — один из важнейших для функционирования рынка и активной межрегиональной торговли.

Тот же процесс мы можем наблюдать в одной из важнейших отраслей индустриальной эры — в производстве чугуна. Уровень Англии

1790-х годов был достигнут в Бельгии только в 1840 году, во Франции и Германии — в 1867 году. Отставание впечатляющее, если учесть, что эти страны активно торговали с Англией.

Главное же следствие промышленной революции в том, что впервые в истории человечества радикальное увеличение численности населения происходило одновременно с ростом благосостояния, была преодолена «ловушка Мальтуса». Изобретения, внедренные на свободном рынке, приводили не только к прибылям для предпринимателей, но и распространялись по всем слоям населения. Причем происходило это в непрерывном режиме. За одним изобретением следовало другое⁴.

Изобретения появлялись в трех отраслях: в текстильной промышленности, транспортной сфере (паровой двигатель Дж. Уатта) и металлургии.

Среди изобретений той эпохи нужно выделить паровую машину, летучий челнок Дж. Кея, машину Р. Аркрайта. Появление хлопчатобумажной промышленности (вне регламентации цехов) также сыграло огромную роль. В 1733 году происходит изобретение ткацкого станка Дж. Кеем (что вызвало рост цен на пряжу), в 1765-м — изобретение механической прялки «Дженни», в 1769-м — изобретение ватерной машины Р. Аркрайтом, в 1779-м — изобретение «мюль-дженни» С. Кромптоном (рост производительности в 200 раз), в 1785-м происходит изобретение механического ткацкого станка священником Э. Картрайтом (это приводит к восстановлению равновесия между прядением и ткачеством), в 1769-м первый патент на паровую машину получает Дж. Уатт, а в 1789-м он уже создает первый завод по производству паровых машин, в 1801-м первый паровоз создает Р. Тревитик, и уже в 1845-м первый пароход создает И. Брюнель.

Но и до этого происходят важные изменения. Уже в 1735 году англичане получают чугун на каменном угле с применением негашеной извести (это обеспечивает решение топливной проблемы металлургической отрасли). Позже Дж. Уилкинсон изготавливает на своих заводах железные трубы, кровати, строит первый железный мост через реку Северн в 1781 году, в 1755-м происходит строительство канала

⁴ «До 1760 г. В Англии держалась старая промышленная система; ни одно великое механическое изобретение не было еще введено; аграрные изменения лежали еще в будущем» [Мокир 2014: 376].

«Англичане не могут похвастаться множеством изобретений; они лишь совершенствуют изобретенное другими <...> для того, чтобы добиться в чем-то совершенства, нужно изобретать во Франции и применять в Англии», — считал швейцарец Жан Рене в 1766 году [Мокир 2014: 376].

Манчестер — Ливерпуль, а в 1829-м появляется первый паровоз Дж. Стефенсона «Ракета».

Благодаря всем этим изобретениям к 1830 году издержки и цены на промышленные товары упали в 10–12 раз. Итоги ошеломили всех, особенно тех, кто посетил в 1851 году первую всемирную промышленную выставку.

Англия к 1870 году обеспечивала 32 % мирового промышленного производства, а доля в мировой добыче и производстве угля, чугуна, железа, хлопчатобумажной ткани была больше 50 % и 60 % судостроения [Кавтарадзе 2005: 162–168].

Все эти технологические изменения, несомненно, были важны как в экономическом, так и в культурном отношении, хотя до сих пор существуют те, кто сетует на то, что произошла промышленная революция: идеализация быта в эпоху до промышленной революции и изображение жизни на земле как пасторали были характерны даже для Ф. Энгельса.

Для того чтобы сгустить краски, изображая страдания рабочего класса, нужно было показать почти идиллический строй, существовавший до «манчестерского капитализма». По Энгельсу, до промышленной революции рабочие «вели растительное и уютное существование, жили честно и спокойно, в мире и почете, и материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось, и все же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле — работы, которая сама уже была для них отдыхом, — и, кроме того, они имели еще возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т. п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела. Это были большей частью люди сильные, крепкие, своим телосложением мало или даже вовсе не отличавшиеся от окрестных крестьян. Дети росли на здоровом деревенском воздухе» [Энгельс 1955: 244].

Ф. Энгельс продолжает свое описание: «Дети целый день проводили дома с родителями и воспитывались в повиновении к ним и в страхе Божиим... Молодые люди росли в идиллической простоте и доверии вместе со своими товарищами по играм до самой свадьбы» [там же: 245].

Реальная же жизнь в эпоху до промышленной революции была далека от такой романтической идиллии: голод и смерть в период частых неурожаев, тяжелый труд на земле, отсутствие медицинской помощи, необразованность, колоссальная детская смертность и небольшая продолжительность жизни (в среднем 35 лет).

Вот как, в частности, протекала жизнь без «благ цивилизации», которые породил капитализм. В 1785 году жительница США Марта Баллард описала свою повседневную жизнь в дневнике (ей повезло, она относилась к 50 % женщин, которые умели читать и писать): «Была на похоронах [имя ребенка написано неразборчиво]. Малыш умер 19-го, ему было 4 года и 1 день <...> Жена капитана Лэма, жена Солона Кука и жена Эбенезера Дэвиса младшего умерли при родах; младенцы не выжили <...> Сильная метель, для марта очень холодно <...> Я два раза упала; один раз, когда шла туда, второй — на обратном пути <...> Дорогу местами замело снегом, почти по пояс... Весь день провела дома <...> варила мыло и вязала <...> Где-то после полуночи за мной пришел мистер Эдсон, у его жены начались схватки <...> На реке [было] опасно, но с Божьей помощью добралась благополучно <...> Никак не могла уснуть из-за блох. Когда вернулась домой, обнаружила 80 блох на одежде <...> Начала чистить выгребную яму под уборной во дворе <...> На дождевой бочке корка льда» [Маккроски 2018: 22].

Вряд ли эта вполне реальная картина совпадает с образом, который нарисовал Ф. Энгельс. Как пишет Д. Маккроски: «Вспомните те времена, когда в Дании крестьянские семьи по десять человек ютились в одной комнате, а в другой держали коров и кур. Вспомните хижины из дерна и оторванность от цивилизации первых переселенцев в Небраске. Вспомните вполне оправданный ужас перед дикой природой, стаи волков, рыскающих в окрестных лесах и полях, даже в относительно урбанизированных Нидерландах XVII века. Вспомните конский навоз на улицах Нью-Йорка и отапливаемые углем дома в Лондоне. Все это осталось в прошлом благодаря «пришедшему в негодость» либеральному капитализму. В конце XVIII века эта разница не только сохранилась, но еще чувствительно выросла. В эти 25–30 лет, бывшие свидетелями столь крупных перемен в экономической и социальной области, заработная плата сельских батраков поднялась в заметных размерах: 7–8 шилл. зимой, 8–10 шилл. в летние месяцы стали обычной платой. Но промышленные заработные платы возросли еще быстрее» [там же: 22–23].

Особую роль в росте благосостояния сыграли инновации. Они были довольно редким явлением до промышленной революции, при этом нужно отличать инновации от изобретений.

Изобретения до промышленной революции — плуг, гончарное дело, мельница. Новации были редкими и не вызвали перманентного появления новых изобретений. Вот некоторые достижения научно-технического прогресса, появившиеся после и вследствие промышленной

революции: изобретение парового двигателя, появление железных дорог, теория микроорганизмов, электрификация и изобретение телефона, изобретение автомобиля, изобретение самолета, создание пенициллина, открытие ДНК, создание средства от малярии, изобретение компьютера, атомная энергия, высадка человека на Луну, персональный компьютер, интернет, смартфон, блокчейн, криптовалюты, проект генома человека.

Происходит ускорение научно-технического прогресса. В XXI веке инкубаторы инноваций по всему миру создают и внедряют новые технологии [Fogel 1999: 1–21].

Промышленная революция вызвала не только рост производительности труда и производство большего количества благ, за счет экономического роста уровень бедности радикально снизился, чего никогда не наблюдалось до этого. Если Т. Мальтус считал, что 9/10 человечества обречены жить в нищете, то промышленная революция показала, как «эндогенные инновации» могут сократить бедность. Если до промышленной революции за чертой бедности жило 90 % населения, то в начале XXI века этот показатель сократился до 10 %. Ничто так не способствовало решению проблемы бедности, как капитализм, порожденный промышленной революцией [World Bank 2015: 63].

Кроме события 1846 года, символом успешного завершения промышленной революции в Англии следует считать открытие знаменитого «Хрустального дворца» в 1850–1851 годах. Именно он стал олицетворением тех принципов коммерческого успеха, которые привели одних в восторг, а других в ужас. Как известно, Ф. Достоевский в своих «Записках из подполья» вывел персонажа, который хотел показать язык всему миру и разрушить «Хрустальный дворец» человечества. Парадоксально, что этот герой утверждал, что, «пусть мир провалится, лишь бы мне чаю пить». Хотя выбирать вовсе не было надобности: Англия продемонстрировала возможность и «чаю пить», и «миру быть».

Попытки объяснить причину промышленной революции в Англии

Три книги об истоках промышленной революции. Существует три наиболее популярные книги, написанные экономическими историками в последние годы, которые объясняют причину промышленной революции: «Насилие и социальные порядки» [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011], «Почему одни страны богатые, а другие бедные» [Аджемоглу, Робинсон

2014] и «Буржуазные добродетели» [Маккლოსки 2018]. Ниже будут рассмотрены версии, содержащиеся в этих и других книгах. Если кратко, то Д. Норт и Д. Аджемогу связывают промышленную революцию с «инклюзивными институтами» / «порядками открытого доступа», т. е. с процессом демократизации, начавшейся в традиционной версии после «Славной революции» 1688 года. Д. Маккლოსки объясняет «Великое обогащение» изменениями в мире идей — от неприятия богатства до признания «буржуазных добродетелей».

Не паровая машина. Одна из наиболее распространенных теорий объяснения промышленной революции связана с тем, что в Англии Дж. Уайт впервые изобрел паровую машину. На самом деле, он не был первым, кто ее изобрел. За несколько десятилетий до этого ее изобрел в России Иван Ползунов, а еще раньше, в I веке н. э., механизм ее функционирования создал Герон Александрийский. Однако ни в России, ни в Египте это изобретение не стало фактором экономического развития⁵. Оно фактически было проигнорировано, но только в Англии оказалось ко двору и было использовано для создания продукции для всего рынка. Кроме того, нельзя сводить промышленную революцию в Англии к паровой машине. Как уже отмечалось выше, изобретения, важные для трех ключевых отраслей британской промышленности, начались и до нее. Ключевое свойство Промышленной революции в Англии — перманентный процесс генерирования инноваций: волна за волной динамизация экономики. Несомненно, паровая машина сыграла большую роль в развитии всех отраслей, но вне контекста остальных инноваций ее роль оказывается явно переоцененной. Промышленная революция затронула все отрасли и институты существовавшего общества.

Не высокая зарплата. «Работники английских мануфактур едят жирно, пьют сладко, живут лучше и кормятся лучше, чем бедный рабочий любой другой страны в Европе; за свою работу они получают лучшую зарплату и проводят больше времени лежа на боку, чем рабочие в любой другой стране», — писал Даниель Дефо в книге «Совершенный английский торговец» в 1726 году. Одна из «профессиональных»

⁵ Англичанин Дж. Уатт отличался от предыдущих изобретателей возможностью продавать из на рынке: «Дорогой отец, несмотря на разнообразное и жесткое сопротивление, я наконец добился от Парламента закрепления за мной и моими наследниками права собственности на мою новую Огненную машину по всей Великобритании и на ее плантациях на ближайшие 25 лет, что, я надеюсь, сулит мне большие выгоды, ведь значительный спрос на нее уже есть» [Аджемоглу Робинсон 2014: 88].

версий экономистов о том, что вызвало промышленную революцию в Англии, принадлежит Р. Аллену. Она состоит в том, что в Англии до промышленной революции были высокие заработные платы по сравнению с другими странами, это вызвало действие «эффекта Рикардо»⁶, когда предпринимателям становится выгодно инвестировать капитал в изобретения, которые снижают потребность в труде. Конечно же, высокие заработные платы не делают страну локомотивом инноваций: Рим, будучи столицей империи, был самым богатым городом той эпохи⁷, но промышленная революция произошла не в нем. Данные, которые приводит Р. Аллен, свидетельствуют о том, что заработная плата была высокой именно в Лондоне [Аллен 2014: 71], но если сравнивать с Амстердамом, то уровни будут почти одинаковыми. Кроме того, промышленная революция происходила не в столице, а в небольшом городке Манчестере, где население после промышленной революции выросло в разы. В более широкой перспективе видно, что заработная плата в реальном выражении в Лондоне стала значительно выше лишь вследствие промышленной революции в середине XIX века [Allen 2001: 428]. До этого периода заработная плата оставалась на одном уровне с 1350 по 1800 год и составляла 40 % от уровня 1913 года. Если это высокая заработная плата, то почему промышленная революция произошла не в XIV веке?

⁶ Этот эффект сформулировал Д. Рикардо в своем сочинении «Начала политической экономии и налогового обложения» в 1817 году: «...всякое повышение заработной платы, или, что одно и то же, всякое падение прибыли, понизит относительную стоимость товаров, которые производятся с помощью более долговечного капитала, и соответствующим образом повысит стоимость тех, которые производятся с помощью капитала, более быстро изнашивающегося. Падение заработной платы будет иметь в этих двух случаях диаметрально противоположное действие» [Рикардо 2007: 102]. «Машины и труд находятся в постоянном соперничестве между собой, и первые часто могут быть применены только тогда, когда поднимается цена труда» [там же: 337]. Следует отметить, что без добровольных сбережений и накопленного капитала высокая заработная плата не может привести к росту инвестиций в машины. Так как норма процента была ниже в Голландии, то именно там и должен был действовать «эффект Рикардо», но не действовал.

⁷ Г. А. Кавтарадзе отмечает: «Крупнейший город империи с миллионным населением, Рим быстро разрастался и был плотно застроен — доходные дома росли вверх, достигая пяти этажей. Из источников в его окрестностях по 19 акведукам в город подавалась вода, действовала система канализации и освещение по ночам. Так было не в одном только Риме, но и во всех крупных городских центрах. Степень благоустроенности, отличавшая римский город, в городах Европы достигнута была лишь в XIX веке» [Кавтарадзе 2005: 57].

На рис. 6.1 в своей книге «Британская промышленная революция в глобальной картине мира» Р. Аллен демонстрирует, что отношение цены труда к цене капитала была выше в Лондоне, чем в Страсбурге и Вене, но не сравнивает его с Амстердамом [Аллен 2014: 203]. Видимо, потому, что, как известно, Амстердам славился своим низким процентом по кредиту и развитым финансовым рынком. Такое сравнение должно было привести к выводу о том, что промышленная революция должна была произойти в Нидерландах, фактически же она произошла в Англии.

Не университеты. Еще одно популярное объяснение состоит в том, что университеты стали центрами научно-технического прогресса и именно они ответственны за такие изобретения, как паровая машина, которая и правда была изобретена профессором Университета Глазго Дж. Уаттом (в этом же университете работал А. Смит), и что промышленная революция произошла именно в Англии и именно в XIX веке благодаря университетам. На самом деле Англия не была пионером и даже лидером в области открытия университетов. Первый университет в Европе был открыт в Болонье в 1088 году⁸. Из крупных университетов в Англии до промышленной революции были только Оксфорд и Кембридж. Самые старые и крупные университеты находились в Италии (Верона, Турин, Пиза, Сиена, Рим, Неаполь, Флоренция), Франции (Париж, Бордо, Орлеан, Анжер), Германии (Гейдельберг, Лейпциг) и Испании (Саламанка, Валенсия, Севилья), но промышленная революция произошла не в Италии XII века и не в Испании, когда там блистала Саламанкская школа, а в Англии, которая не могла похвастаться таким количеством университетов, и только в XIX веке, а не в XIII веке, когда были созданы крупнейшие университеты Англии. Скорее, верно обратное: университеты начинают развиваться именно тогда, когда в регионе начинается рост экономики. В этом смысле появление университета в Манчестере только в 1824 году доказывает, что причина идет от промышленной революции к университетам, а не наоборот.

Не бухгалтерский учет. Не настолько распространенная версия, но тем не менее идущая от авторитета Макса Вебера, состоит в том, что рационализация хозяйственной деятельности, характерная для капитализма, не могла бы быть возможна без двойной записи, которая позволила

⁸ Не-западные университеты имеют еще более давнюю историю. Университет Наланда в Индии был создан в V веке, арабы создали свой университет в Гондишапуре в IX веке. Но там не произошло промышленной революции. Так же как и в Греции — родине Академии и Лицея.

отражать каждую хозяйственную операцию в бухгалтерском балансе. Изобретателем системы двойной записи считается итальянец и друг Леонардо да Винчи — Лука Пачоли, в его «Трактате о счетах и записи», опубликованном в 1494 году, заложены основы бухгалтерского учета. Особую роль уделяли этому изобретению И. Гёте и Л. фон Мизес⁹. Все же при значимости бухгалтерского учета очень тяжело будет объяснить промышленную революцию в Англии этим изобретением, оно начинает активно использоваться по всей Европе, а не только в Англии, и происходит это уже в XVI веке, если не раньше, а промышленная революция произошла только конце XVIII века и не в Италии — стране, где был изобретен двойной счет.

Не научная революция. Научная революция считается одним из наиболее важных событий, которые породили промышленную революцию. Великие открытия Г. Галилея, И. Кеплера, Н. Коперника, Т. Браге, У. Гарвея, Х. Гюйгенса и многих других европейских ученых совершили научную революцию. Некоторые (например, Д. Мокир) даже считают ее главной причиной «просвещенной экономики» [Мокир 2017]. Несомненно, И. Ньютон, У. Гарвей и многие другие английские ученые внесли существенный вклад в научную революцию XVII века. Однако большинство ученых той эпохи не были англичанами и не работали в английских университетах: Г. Галилей и И. Кеплер работали в Италии, Н. Коперник — в Польше и Германии, Т. Браге — в Дании, Х. Гюйгенс — в Голландии. Научная революция была общеевропейским явлением, и тяжело объяснить, почему она вызвала промышленную революцию именно в Англии, а скажем, не в Италии. Кроме того, научная революция произошла в XVII веке, а промышленная — только в конце XVIII столетия.

Не веротерпимость. Веротерпимость позволяет торговать со всеми, даже с теми, кто придерживается иных взглядов на религию. Существует миф, что Англия исторически была страной веротерпимой и уважающей различные религиозные конфессии. История показывает, что это не так. В истории Англии, как и любого государства, не просто существовали периоды, когда не было религиозной свободы, но и были

⁹ «Наша цивилизация неразрывно связана с методами экономического расчета. Она погибнет, если мы откажемся от этих самых точных интеллектуальных методов активной деятельности. Гёте был прав, назвав метод двойной записи бухгалтерского учета одним из прекраснейших изобретений ума человеческого» [Мизес 2005: 217; Гёте 1978: 30].

времена, когда представителей разных религиозных конфессий грабили, убивали или выслали из страны. Эдуард I изгнал из Англии всех евреев, предварительно их ограбив; Генрих VIII, ограбив католические церкви, передал собственность в руки своих друзей, сделал себя главой Англиканской церкви, он сам начертал религиозные статьи (Articles of Religion), составляющие основу новой веры, или англиканства [Макаров 2018: 146–156], вслед за этим началась конфискация имущества церквей в пользу государства с последующей передачей в частное владение, сопровождавшееся жестокими убийствами монахов и монахинь. Генрих VIII стал выше законов и религии, деспотизм его не знал пределов. Известно, что английские пуритане вынуждены были бежать от преследований в Америку.

Если провозглашение принципов веротерпимости порождает промышленную революцию, то она должна была произойти в Индии в III веке до н. э. — во времена царя Ашоки, который впервые сформулировал принципы веротерпимости. Как писал крупнейший религиовед Макс Мюллер о веротерпимости: «[Мы могли бы] обнаружить их высеченными на скалах Индии более двух тысяч лет назад Ашокой, который правил с 259 по 222 г. до н. э. Ашока, который отверг старую ведическую религию и принял основные принципы учения Будды, утверждает в одном из своих эдиктов: “Царь Пиядаси желает, чтобы повсеместно существовали всевозможные секты, потому что каждая из них способствует воздержанности чувств и очищению души. Царь Пиядаси почитает все секты, монахов и мирян; он чтит их, предоставляя им свободу и оказывая различные виды покровительства... Тот, кто превозносит свою секту и осуждает другие, руководствуется преданностью своей секте и желает прославить ее, но в действительности он только вредит ей. Следовательно, единственным благом является мир, при котором бы все люди проявляли готовность не только выслушать, но и понять мнение других”» [Мюллер 2022].

Сложно сказать, насколько эти декларации выполнялись, но даже подобная декларация говорит о многом. Такая веротерпимость и то не в полной мере появляется в Европе лишь в конце XIX века.

Да и в рамках истории христианства XVIII век был далеко не самым свободным. Так, историк церкви Иван Андреев писал: «Листайте Евангелия и другую литературу начального христианства, и вы будете приятно изумлены зрелищем свободы религиозной мысли и пропаганды, свободы, которой фактически не имеют даже в XX в. так называемые культурные государства» [Андреев 2015: 285].

То же касается и католиков в Англии. Вот как к ним относились англичане: «Несмотря на самые торжественные клятвы, которые они приняли, все же они уполномочены самыми принципами своей религии нарушать веру с теми, кто принадлежит к другой общине, лгать, предавать и даже к убийству тоже, когда этого требуют интересы их церкви. Это значит, что, несмотря на все доказательства их искренности, которые они дали или, возможно, могут дать, им нельзя доверять; а они — сборище вероломных негодяев, которые только и ждут удобного случая, чтобы перерезать глотки всем своим протестантским братьям» [Сидоренко 2020: 99].

За англиканство можно было заступаться, а вот за остальные конфессии — нет: «Лорд Гордон, стремившийся выступить защитником протестантизма в Великобритании, в своей речи об опасности распространения послаблений католикам на Шотландию указывал: “...я счел нужным выяснить чувства шотландского народа. Все, что я могу теперь добавить, это сообщить, что я намерен в будущем выступить с обращением к королю, послать в Шотландию 120 тыс. мушкетов и штыков, чтобы вооружить беззащитный народ этой страны”» [там же: 103].

Видимо, не получится объяснить промышленную революцию в Англии в конце XVIII века особой веротерпимостью, которая якобы всегда была характерна для англичан.

Не англиканство. Считается после Макса Вебера, что религия оказывает особое влияние на развитие капитализма. Протестантские мнения по мере распространения их на материке Европы проникали и в Англию, но здесь богословская сторона Реформации мало занимала умы — гораздо более интересовало англичан свержение папского ига, с которым соединены были для них большие денежные поборы в пользу Рима и духовенства. Такого характера и были в Англии первые протесты против Римской церкви. Ближайшим поводом к реформационному движению в Англии послужила ссора английского короля Генриха VIII с папой Климентом VII. Генрих захотел развестись со своей женой, Екатериной Арагонской, чтобы жениться на Анне Болейн, и просил (1527 год) у папы развода, но папа после долгих проволочек отказал ему в этом. Тогда Генрих VIII решил не только обойтись без папы в деле о браке, но и совсем уничтожить его власть в Английской церкви. В 1533 году по его распоряжению английским парламентом издан был закон о независимости Англии от папы в церковных делах и о верховных правах короля в Церкви, а в 1534 году Генрих VIII формально и торжественно объявил себя верховным главой Церкви вместо папы. «Большинство

епископов и священников подчинились новому порядку в церковном управлении, не признававшие же главенства короля или сомневавшиеся в этом подверглись преследованиям и казням. Затем Генрих закрыл все монастыри в Англии (1538 г.) и имущества их обратил в свою пользу» [Смирнов 2007: 709].

Что касается вероучения, то король-реформатор не сделал почти что никаких перемен в этом отношении. Получив схоластическое богословское образование, он в душе оставался таким же католиком, каким был до разрыва с папой, и так же ненавидел протестантов, как в 1521 году, когда издал от своего имени сочинение против Лютера. Только по стараниям архиепископа Кентерберийского Томаса Кранмера и своего министра Томаса Кромвеля, тайных протестантов, бывших его главными советниками во время столкновения с папой, Генрих издал от лица парламента в «10 членах» нечто вроде нового вероучения. В своем распоряжении относительно вероучения, в так называемых «Шести членах», Генрих прямо восставал против лютеранства, угрожая смертной казнью тем, кто будет отрицать пресуществление, допускать причащение под обоими видами, утверждать, что священникам можно вступать в брак, и прочее. «В силу этого распоряжения многие из принявших лютеранство подверглись преследованиям. Иерархия оставлена неприкосновенной. Такой реформой положено было начало Англиканской епископальной Церкви» [там же: 709].

Однако следует отметить, что англиканская церковь никак не отреагировала на промышленную революцию, что позволило ей победно шествовать по территории страны. «Существующий порядок, если оставить в стороне недалёковидные действия вмешивающихся в него правительств, был природным порядком, а порядок, установленный природой, — это порядок, установленный Богом» [Тоуни 2023: 310].

Р. Тоуни возмущался тем, что «церковь была столь неэффективной в предоставлении вдохновения и руководства в период масштабной экономической реорганизации, которой традиция дала не слишком удачное название “промышленная революция”. Церковь не предоставила их потому, что не обладала ими. Существовали, безусловно, особые обстоятельства, объясняющие ее молчание: простое невежество и некомпетентность, воспринятая доктрина политической экономии» [там же: 311]. То есть имело место признание принципов невмешательства в экономику.

Молчание оказалось золотом: «Молчаливое принятие ужасов ранней фабричной системы, было... характерной чертой столетия» [там же:

312], что сыграло свою роль в возможности промышленной революции именно в Англии. Там, где «не молчали», отказ от свободной торговли и собственности приводил к краху экономики.

Не английский нрав. В общественном сознании навеки закрепился образ настоящего джентльмена и леди за англичанами. Многим представляется, что они отличаются от других народов уважением к личности, добропорядочностью и высокой культурой поведения. К сожалению, это такой же миф, как и предыдущие. Особенно это касается периода до промышленной революции. Дневники государственного служащего Самуэля Пипса, который жил во времена «Славной революции», хорошо передают нравы, господствовавшие в те времена среди «настоящих джентльменов» [Пипс 2010: 132–143]: «Сегодня утром, обнаружив, что некоторые вещи лежат не там, где им надлежит, схватил метлу и стал колотить горничную до тех пор, пока она не закричала на весь дом, чем крайне мне досадила. 1 декабря 1660 года».

«За обедом и ужином я, сам не знаю почему, выпил столько вина, что потерял всякое разумение и промучился головной болью весь вечер. Посему домой — и в постель, даже не помолившись, — раньше по воскресеньям я не пропускал молитвы ни разу. Но сегодня был так плох, что не посмел читать молитву из страха, что слуги заметят, в каком я состоянии. А посему — в постель. 29 сентября 1661 года».

С. Пипс, как и многие представители его эпохи, не гнушался насилием над более слабым: «Поскольку жена и горничные жаловались на мальчишку, я вызвал его наверх и отделявал плеткой, пока не заболела рука».

Вернувшись домой, обнаружил, что жена по собственному разумению выложила 25 шиллингов за пару серег, от чего пришел в ярость; кончилось все размолвкой, наговорили друг другу невесть что; я и помыслить не мог, что жена моя способна отпускать подобные словечки. Припомнила она мне и наш разъезд, чем крайне мне досадила. Пригрозил, что поломаю их, если она не отнесет их обратно и не получит назад свои деньги, с чем и ушел. Спустя некоторое время бедняжка послала служанку обменять серьги, однако я последовал за ней и отправил домой: довольно и того, что жена подчинилась».

Вернувшись сегодня вечером домой, принялся изучать счета моей жены; обнаружил, что концы с концами не сходятся, и рассердился; тогда только негодница призналась, что, если нужная сумма не набирается, она, дабы получить искомое, добавляет что-то к другим покупкам. Заявила также, что из домашних денег откладывает на свои нужды, хочет,

к примеру, купить себе бусы, чем привела меня в бешенство. Больше же всего меня тревожит, что таким образом она постепенно забудет, что такое экономная, бережливая жизнь. 29 сентября 1664 года» [там же: 120].

Бережливость у Пипса была связана со стремлением купить должность: «В постели с женой. Долго говорили о бережливости, о том, что экономно следует жить и в дальнейшем. Сказал ей, что я намереваюсь сделать, если накоплю 2000 гиней, а именно — получить рыцарское звание и завести собственный выезд, что весьма ее обрадовало. Очень надеюсь, что мы и в самом деле что-нибудь накопим, ибо я преисполнен решимости тратить как можно меньше. 2 марта 1662 года» [там же: 132].

Если же выпала удача, то и от бережливости можно отказаться: «Только сегодня к вечеру кончили праздновать Рождество, насладившись в полной мере самыми разнообразными удовольствиями. Испытываю столь сильную потребность вновь предаться разгулу, что сейчас самое время вспомнить старый обет воздерживаться от вина и азартных игр, каковой, да будет на то воля Божья, я приму с завтрашнего дня, дабы и впредь достойно и прилежно исполнять свой долг, приумножать славу, а также доходы, которые делают жизнь отраднее и в которых имею я нужду, и немалую. 6 января 1663 года» [там же: 133].

Для обеспечения всех этих потребностей и существует государственная служба, где взятки — абсолютная норма: «Выезжая из Уайтхолла, повстречал капитана Гроува, который вручил мне письмо; сразу же разглядел, что в конверте деньги, и сообразил, что это, должно быть, часть суммы, которую он заработал на оснащении направляющихся в Танжер судов. Однако вскрыл письмо не раньше, чем пришел в присутствие, — разорвал конверт, не заглядывая внутрь и дождавшись, пока деньги сами не выпадут наружу, — чтобы потом сказать, если вдруг будут допытываться, что денег внутри не видал. Внутри оказалась одна золотая монета и 4 гиней серебром. 3 апреля 1663 года» [там же: 133–134].

Неформальные отношения также помогают получить привилегию от чиновника: «Прогуливался в доках, беседуя с офицерами, после чего на обратном пути встретил юного Бэгвелла с женой; отведя меня в сторону, обратились с нижайшей просьбой подыскать им корабль получше. Сделал вид, что с удовольствием пойду им навстречу; про себя же подумал, что надо бы поближе познакомиться с его женошкой. 7 августа 1663 года» [там же: 133–134].

Работая чиновником и получая взятки, думаешь о том, что это угодно Богу: «С самого утра — в присутствие, где сидели полдня; корпел над

Дирингом и его сделками: никогда бы столько не трудился, если б не надеялся чего-нибудь с него получить; впрочем, я искренне убежден, что исполнил не более того, что выгодно государю. И все же видит Бог, когда дело прибыльное, и трудишься добросовестнее. 19 декабря 1663 года» [там же: 134].

Когда не можешь скрыть радость от получения взятки: «В таверне “Солнце” с сэром У. Уорреном; долго беседовали, наговорил мне много приятного — прямо и намеками; между делом вручил пару завернутых в бумагу перчаток — для жены. Пакет оказался тяжелый, и открывать его я не стал, однако заметил, что жена будет за него благодарна, и продолжал беседу. По возвращении домой стоило немалых трудов выпроводить жену из комнаты, дабы увидеть, что собой представляют эти перчатки. Наконец она ушла, я раскрыл сверток и обнаружил внутри пару белых женских перчаток, а в них — 40 золотых монет; это привело меня в такой восторг, что за обедом кусок не лез в горло от радости: Господь, стало быть, не забывает нас и, будем надеяться, не забудет и впредь, воздавая мне должное за труды праведные. Не знал, как мне поступить, сказать об этом жене или нет; с одной стороны, не терпелось поделиться с ней столь отрадной вестью; с другой же — я опасался, как бы она не подумала, что я нахожусь в лучшем положении и зарабатываю легче, чем на самом деле. 7 февраля 1664 года» [там же: 134–135].

Как мы видим, английский нрав мало чем отличался от нрава жителей других стран. По всей видимости, этим фактором промышленную революцию в Англии не объяснишь.

Не отсутствие коррупции. Честность и неподкупность, верховенство права, свобода договора и свобода торговли. Так часто описывают источники экономического успеха, который заложил основы промышленной революции. Отсутствие коррупции и уважение к верховенству права у англичан после «Славной революции» — это еще один миф. Коррупция была нормой в XVIII веке и до этого [Макаров 2011: 97–105; Rubinstein 1983]. «Славная революция» 1688 года здесь мало что изменила. «После 1688 г. реальной трансформации политической системы Великобритании в полноценную парламентскую монархию так и не произошло» [Сидоренко 2020: 235]. Вот один из документов эпохи меркантилизма¹⁰, который хорошо отражает механизм взаимодействия бизнеса и власти. «Аноним» просит защитить его от конкуренции

¹⁰ В одном из статутов предписывалось обязательное ношение шерстяных шапок по воскресеньям.

с иностранными производителями в обмен на более высокие платежи в казну: «Все они (иностранные производители. — П. У.) стремятся сбить цену на сукно и заставить суконщика нести все виды налогов и расходов, прежде чем он наконец получит за свое сукно деньги, без которых, хотя бы это причиняло ему убытки, он не может возвратиться, так много бедного народа зависит от него. Ему приходится эти деньги раздавать им, так как каждый обыкновенный суконщик дает работу многим сотням бедняков.

Если бы суконщик был освобожден от гнета перевозок и торговой монополии «странствующих купцов», что легко можно было бы осуществить, держа наши сырые материалы внутри страны и побуждая иностранцев применять все вырученные деньги на покупку местных товаров, а также должным соблюдением хороших и полезных правил, ранее установленных для надлежащего изготовления сукна, то суконщик охотно согласился бы платить налог за каждый кусок сукна в 6 шиллингов и 8 пенсов, согласно старой пошлине на вывозимое сукно» [Плотников 1935: 151].

Как мы видим, в качестве средства решения проблем предлагается запрет на экспорт сырья и запрет на вывоз денег за пределы Англии.

Анонимный автор продолжает свою аргументацию, не забывая указать конкретную сумму: «Его величество будет получать, помимо укрепления государства вследствие роста торговли, 100 000 фунтов стерлингов и больше. Это было бы подходящим и необходимым мероприятием, совмещающим выгоды его величества с общим благосостоянием, соперничающим с прежними мероприятиями его собственных царственных предков и с другими странами, как Испания, Франция, Италия, Нидерланды» [там же: 151]¹¹.

Такой механизм использовался в Англии повсеместно. Так, к 1621 году в Англии насчитывалось семь тысяч монополий. Как пишет английский историк Кристофер Хилл, англичанин жил «в доме, построенном из монопольных кирпичей, с окнами... из монопольного стекла, обогреваемом монопольным углем (а в Ирландии — монопольными

¹¹ Завершает же проситель так: «Если будет признано, что мною упущено объяснение пути, как эти деньги могут быть получены, то пусть знают, что это отложено до того, как станет известно, что благоволение его величества будет им уделено любящим и преданным долгу лицам, которые для блага его величества и его страны изложили это выгодное средство и в настоящее время покорно умоляют его величество соблаговолить прочесть и сохранить в тайне этот трактат» [Плотников 1935: 151].

дровами), который горел на решетке из монопольного железа... Мылся он монопольным мылом и крахмалил белье монопольным крахмалом. Он носил монопольную тесьму, монопольный лен и монопольную кожу, расшитую монопольной золотой нитью. Его одежда стягивалась монопольным ремнем, скреплялась монопольными пуговицами и монопольными заколками. Выкрашена она была монопольными красителями. Он ел монопольное масло, монопольную смородину, монопольную селедку, монопольного лосося и монопольных омаров. Его еда была приправлена монопольной солью, монопольным перцем и монопольным уксусом... Он писал монопольными перьями на монопольной бумаге, читал он (с помощью монопольных очков и при свете монопольных свечей) монопольные печатные книги» [Аджемоглу, Робинсон 2014: 151].

Все эти монополисты таким же путем получали свои привилегии и с такими же последствиями, как и всякая монополизация рынка государством: высокие цены и низкое качество. «В 1780 г. коррупция оставалась такой же плохой, как и во времена Уолпола» [Сидоренко 2020: 120]. «Неподконтрольные секретные фонды, под которые можно было списывать если не любые, то значительные суммы государственных денег» были нормой [там же: 123]. «Был ли хоть один вопрос общественной политики, решенный в период его администрации в любой из палат парламента иными средствами, кроме как благодаря ощутимому влиянию очевидного взяточничества?» — задавался вопросом памфлетист [там же: 155].

Именно поэтому Э. Берк предложил свои реформы: «Цель реформы Берка состояла в том, чтобы предотвратить злоупотребление средствами Цивильного листа, для чего он предложил ограничение статей расходов теми целями, для которых он предназначался, что позволило бы удерживать траты в пределах, установленных парламентом» [там же: 155]. До этого, по существу, никаких ограничений не было.

Прославился тем, что был уличен в коррупции, и знаменитый английский философ Ф. Бэкон, кстати, большой поклонник абсолютизма и большого государства: «Король должен расширять и сохранять границы империи: это его высшая моральная обязанность» [Ротбард 2020: 318]. Как писал М. Ротбард: «В призыве к завоеваниям Бэкон превзошел даже Макиавелли, который предостерегал против чрезмерно поспешных действий. Дабы быть готовым к священной задаче расширения империи, английский народ должен готовиться к войне, в особенности совершенствовать военно-морское дело, демонстрировать храбрость, быть «отважным и воинственным» [там же].

Ф. Бэкон эмпирическим путем открыл эффективность для себя коррупции в Англии: «После трех лет пребывания на высшем государственном посту сэр Фрэнсис Бэкон потерпел фиаско. Обвинения в систематическом взяточничестве подтвердились, Бэкон признал вину, вернулся к частной жизни и продолжил публиковать свои труды. Весьма показательно, что, сознавшись во взяточничестве, он тем не менее утверждал, что взятки никогда не влияли на его решения и что его «намерения» всегда оставались «чистыми» [там же: 318]. То есть взятки он брал, но это не мешало ему принимать правильные решения.

Знаменитый английский художник У. Хогарт в серии картин изобразил весь процесс выборов [Косарев 1961: 111–112] в английский парламент в XVIII веке: от «гнилых местечек»¹² до насилия в отношении проигравших кандидатов [Барлова 1999: 150–155]. По этому поводу высказался английский историк культуры К. Кларк: «[Хогарту] не откажешь в повествовательной изобретательности, а на склоне лет он исполнил серию картин на тему парламентских выборов, которые скомпонованы лучше, чем гравюры его знаменитой серии “История распутника”, и очень убедительно раскрывают пороки нашей далекой от совершенства политической системы. Чего стоит избирательный участок, где полоумных и полуживых уговаривают поставить галочку в бюллетене! Победившего кандидата — жирного кашлуна в напудренном парике — несут на плечах его подручные, которые не забывают по пути сводить счеты с соперниками». Для К. Кларка картины Хогарта иллюстрируют нецивилизованность такой Англии: «Суть, как мне представляется, в том, что в Англии XVIII века по итогам буржуазной революции сформировалось не одно, а сразу два общества, очень слабо связанных между собой. Одно — общество скромных «сельских джентльменов», мелкопоместных дворян, чьим летописцем в живописи стал некто Артур Дэвис, запечатлевший их в виде комически застывших манекенов посреди холодных, неуютных интерьеров. Другое — городское общество, которое хорошо знакомо нам по работам Хогарта и пьесам его друга Филдинга: от этого, городского, веет здоровым звериным духом, но

¹² «Гнилыми местечками называли малонаселенные или совсем обезлюдевшие, а иногда вообще исчезнувшие к XVII–XIX вв., городки и деревушки, которые, однако, сохраняли старинное право представительства в парламент. Как правило, такого рода избирательный округ находился в собственности какого-либо аристократического семейства или одного лорда» [Барлова 1999: 150]. «Реклама и продажа мест в парламент, подкуп избирателей являлись обычной выборной практикой того периода» [Сидоренко 2020: 59].

совсем не тем, что хотя бы с натяжкой можно назвать цивилизацией» [Кларк 2023: 239–240].

Не колонии. Самое простое и самое неверное объяснение причины промышленной революции восходит к марксистским представлениям о первоначальном накоплении за счет ограбления колоний. Если колонии являются источником промышленной революции, то тогда она должна была произойти в Испании или Португалии, у которых было значительно больше колоний. У Англии не только было гораздо меньше колоний, но они мало что приносили английской казне по сравнению с испанскими и португальскими, кроме того, прямо перед началом промышленной революции Англия потеряла свои тринадцать североамериканских колоний, что, исходя из теории «ограбления колоний», должно было вызвать экономический крах метрополии, а произошел, напротив, экономический бум. Сюда же относятся «Опиумные войны» с Китаем. Они также не могут быть хорошим объяснением причины промышленной революции, так как они происходили в XIX веке после промышленной революции, да и масштаб доходов англичан явно преувеличен, он составлял не больше 5 % национального дохода¹³.

Не либерализм. Со стороны может показаться, что в Англии того времени превалировала идеология свободы торговли и *laissez-faire*, экономисты и политики ратовали за невмешательство в дела рынка и именно этим объясняется промышленная революция в Англии. Д. Макклоски в своем фундаментальном трактате «Буржуазные добродетели» разбивает все теории, пытавшиеся объяснить «Великое обогащение», предлагая свое объяснение: идеи экономической свободы, капитализма и признание буржуазных добродетелей породили современный экономический рост. Но эту теорию Д. Макклоски не тестирует на примере Англии. Были ли идеи экономической свободы превалирующими в Англии до промышленной революции? Не было ли их до этого периода в других странах? Если были, почему не произошла промышленная революция?

Так, еще в начале XII века высказывались во Франции идеи экономической свободы Гуго Сен-Викторским: «Благодаря торговле люди проникают в тайны мира, посещают неведомые берега, открывают жаркие пустыни и завязывают отношения с варварскими народами, узнавая неизвестные еще языки. Занятие ею примиряет народы, гасит войны, утверждает мир и обращает на общую пользу частное благо»

¹³ URL: <https://postnauka.ru/longreads/72756> (дата обращения: 27.04.2023).

[Маккლოსки 2018: 77]. Но промышленная революция не произошла во Франции в XII веке.

Во II веке до н. э. в Китае Сымя Цян высказывал мысли, совпадающие с идеологией невмешательства и «невидимой руки» рынка: «Каждому человеку только того и нужно, чтобы ему дали возможность применить свои способности и проявлять свои лучшие качества, дабы получить то, что он хочет... Когда каждый человек работает по своей профессии и радуется своему делу, то и блага, подобно стекающей вниз воде, естественным образом без принуждения текут непрерывно днем и ночью, и люди производят товары, хотя их об этом и не просят» [Ротбард 2020: 41]. Но промышленная революция не произошла в Китае во II веке до н. э.

В XVII веке представители Саламанкской школы сформулировали идеи свободного рынка и предпринимательства, Хуан де Мариана писал в 1625 году: «Власти не знают ни народа, ни хода дел, по крайней мере не знают всех тех обстоятельств, от которых зависит успех. Они неизбежно совершат множество серьезных ошибок, а в результате народу будет причинено беспокойство и он будет презирать это слепое правительство. Власть и приказ безумны, когда слишком много законов, так что невозможно все их выполнять или хотя бы знать, теряется уважение сразу ко всем» [Уэрта де Сото 2020: 50–51]. Однако промышленная революция не произошла в Испании в XVII веке.

А вот в Англии в это время были популярны идеи сторонника абсолютизма Р. Филмера, его книга имеет характерный подзаголовок: «Патриарх: защита естественной власти королей против неестественной свободы народа». И тем не менее промышленная революция произошла именно в Англии.

Даже «пионер» либеральной экономики А. Смит не слишком симпатизировал богатым и капиталистам: «[Книга направлена против] низменной жадности, стяжательского духа купцов и промышленников, которые ведь и не являются и не должны являться владыками человечества» [Смит 2007: 476]. «Хозяева всегда и повсеместно находятся в своего рода молчаливой, но постоянной и единообразной стачке с целью не повышать заработной платы рабочих выше ее существующего размера» [там же: 119–120]. «Низменные приемы мелких лавочников возводятся в политическое правило поведения большого государства» [там же: 476]. «Капризное тщеславие королей и министров не было в течение настоящего и минувшего столетий более роковым для спокойствия Европы, чем высокомерное соревнование купцов и промышленников» [там же:

476]. «Однако имеются, по-видимому, два случая, когда, по общему правилу, выгодно наложить некоторые тяготы на иностранную промышленность в целях поощрения промышленности отечественной (!). Первый случай имеет место тогда, когда какая-либо отдельная отрасль промышленности необходима для обороны страны. Оборона страны гораздо важнее, чем богатство. Вторым случаем, когда выгодно подвергать некоторому обложению иностранную промышленность в целях поощрения отечественной, является тот, когда продукт последней внутри страны облагается налогом» [там же: 449–451]. Следует обратить внимание на то, что все это для поощрения промышленности отечественной: «Почти все страны обмениваются друг с другом отчасти собственными и отчасти иностранными продуктами. Но всегда больше выгадывает та страна, в грузах которой больше отечественных продуктов и меньше иностранных» [там же: 473].

Что же касается внешней торговли, то А. Смит писал: «Ограничением при помощи высоких пошлин или абсолютным воспрещением ввоза из-за границы таких продуктов, которые могут производиться внутри страны, более или менее обеспечивается монополия внутреннего рынка для отечественной промышленности, занятой их производством. Не может подлежать сомнению, что такая монополия внутреннего рынка часто служит большим поощрением для отрасли промышленности, пользующейся ею, и нередко привлекает к ней большую долю труда и капитала общества, чем это было бы при других условиях. Но, пожалуй, не столь очевидно, ведет ли она к развитию всей промышленности общества в целом и дает ли ей наиболее выгодное направление» [там же: 473].

«Поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и, осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения» [там же, 476]. Таким образом,

А. Смита неверно называть последовательным сторонником экономической свободы.

Арнольд Тойнби, который считается создателем термина «промышленная революция», пожалуй, единственный, кто попытался «эмпирически» доказать влияние идей экономической свободы на промышленную революцию. Он считает, что английская политическая экономия ответственна за успехи английской промышленности: А. Смит, Т. Р. Мальтус, Д. Рикардо и Дж. С. Милль создали экономику свободного рынка [Тойнби 2011]. А. Смит, как мы показали выше, не был сторонником *laissez-faire*, как и Т. Р. Мальтус.

Карл Менгер, 1891 год: «Смит вообще не возлагает больших надежд на принцип *laissez-faire*, напротив, он указывает на некоторые учреждения и институты, которые в наибольшей степени способствуют общему благу, но которые никогда не могли бы возникнуть благодаря свободной игре конкуренции. Он настаивает на том, что в этих случаях государство берет на себя важную обязанность организовать и обеспечить работу соответствующих предприятий и учреждений, способствующих общему благу. А. Смит не только выступает за вмешательство государства в экономику на благо бедных и угнетенных, особенно рабочих. Он также при наличии соответствующих обстоятельств с одобрением относится к пошлинам на зерно для развития сельского хозяйства, к экспортным пошлинам на шерсть в целях подъема национального производства и даже к умеренным пошлинам на все мануфактурные товары, чтобы обеспечить преимущество отечественной продукции на внутреннем рынке <...> Смит относит к задачам государства строительство дорог, каналов, портов, общественных складов и тому подобного, при определенных условиях он даже выступает за установление правительством цен на продукты питания первой необходимости.

Сходной позиции придерживался Мальтус, выступая в защиту покровительственных пошлин, так как они направлены на то, чтобы способствовать развитию в стране определенных видов производств, предотвратить значительные колебания в хозяйственной жизни народа¹⁴ или установить равновесие между различными классами общества. Он считает покровительственные пошлины важным инструментом экономической политики, направленной на обеспечение всеобщего блага. Рикардо отстаивает необходимость премий и пошлин, позволяющих

¹⁴ Дж. М. Кейнс не раз ссылался на Т. Мальтуса как на предтечу своей теории «эффективного спроса».

сбалансировать налоговую нагрузку, и поддерживает всем известные пошлины на зерно. Как видно, то, что классическая национальная экономия выступает за неограниченное господство индивидуального своекорыстия и бездействие правительства в экономических вопросах, является вымыслом» [Менгер 2023: 178–179].

Идеи экономической свободы развивали не английские экономисты, а представители французской либеральной традиции: Р. Кантильон, Ж. Тюрго и Ж.-Б. Сэй. Но промышленная революция произошла не во Франции.

Не политическая культура. Хотя английскую политическую культуру принято считать вполне трезвой в отношении власти, тем не менее в ее истории встречается также обожествление власти. Так, Э. Канторович отмечает в своей книге «Два тела короля»: «В 1401 г. спикер палаты общин счел уместным сравнить политическое тело королевства с Троицей: король, духовные и светские лорды и общины вместе составляют троицу в единстве и единство в троице. По тому же поводу спикер сравнил парламентские процедуры с отправлением мессы: чтение одного из Апостольских посланий и изложение Библии при открытии парламента наминало начальные молитвы и церемонии, предшествующие литургии; обещание короля защищать церковь и соблюдать законы сравнивалось с жертвоприношением во время мессы; наконец, закрытие заседаний парламента имело своей аналогией благодарственную молитву *Deo gratias*, которой заканчивалась литургия» [Канторович 2014: 328]. Как мы видим, абсолютный либерализм англичан не более чем миф; как и в любой культуре, в английской хватало и хватает этатизма¹⁵.

Кембриджский профессор Ричард Ватсон даже во время явного кризиса защищал абсолютизм и в 1780 году заявлял: «Попробуйте экспериментировать, когда вам угодно: вырвите влияние из рук государя и переместите его, куда вам угодно, и оно будет хуже. Совокупность двенадцати миллионов податных подданных, армия в сто пятьдесят тысяч человек, флот в девяносто тысяч моряков — прекрасные поля для влияния, но до сих пор мы свободны, потому что все это находится в руках государя» [Сидоренко 2020: 136].

В английском парламенте встречались не слишком либеральные взгляды на право собственности. О. Дмитриева пишет об этом: «Мы встречаем <...> откровенно “абсолютистские” воззрения на проблему

¹⁵ Это и Гоббс, и меркантилисты, и левые рикардянцы, из которых вышел Маркс, и Кейнс, и фабианский социализм.

собственности, исходящие из того, что государь как суверен имеет полное право распоряжаться землями и имуществом подданных, являющихся лишь его держателями, в то время как право собственности принадлежит монарху <...> в преамбулах некоторых статутов о субсидии депутаты, вдохновленные патриотической риторикой, были готовы сложить к ее ногам «все, что имели» [Дмитриева 2021: 802].

Да и сторонников имперских взглядов было много, в частности сам Адам Смит: «Правители Великобритании в течение более столетия услаждали народ мыслью, что он владеет по ту сторону Атлантического океана громадной империей. Однако эта империя до сих пор существовала только в воображении. До сих пор это была не империя, а только проект ее, не золотой рудник, а только проект золотого рудника, проект, который стоил, продолжает стоять и, если за него будут держаться так, как до сих пор, будет и дольше стоять громадных издержек, не обещая приносить ни малейшей прибыли, потому что монополия торговли с колониями, как это было уже выяснено, для главной массы народа приносит скорее убыток <...> Пора уже, без сомнения, чтобы наши правители либо осуществили тот золотой сон, в котором они, возможно, сами пребывали до сих пор вместе с народом, либо же чтобы они сами проснулись и постарались пробудить от него народ. Если проект не может быть осуществлен, от него надо отказаться. Если какие-либо провинции Британской империи нельзя заставить участвовать в содержании всей империи, то, несомненно, настало время, чтобы Великобритания освободила себя от расхода по защите этих провинций во время войны и от содержания той или иной отрасли их гражданского или военного управления во время мира и постаралась согласовать свои будущие стремления и планы с фактической скудостью своих средств» [Смит 2007: 875–876].

Не демократия 1688 года. Пожалуй, наиболее популярная в академических кругах причина промышленной революции в Англии — это «Славная революция» 1688 года. Этого объяснения держатся авторы наиболее авторитетной книги «Насилие и социальные порядки» Д. Норта. Его же поддерживает и Г. А. Кавтарадзе: «Со времени “Славной революции” 1688 г. власть в Англии фактически перешла к парламенту, инициативам граждан были гарантированы свобода и гласность, их личность и собственность были поставлены под защиту закона. Этим были созданы условия, благодаря которым все, чего англичане добились впоследствии, они получили не посредством революций, а путем реформ. В качестве незыблемой основы английской цивилизации

утверждается отныне принцип свободного договора (контракта)» [Кавтарадзе 2005: 146]¹⁶.

Однако множество исторических фактов показывают, что это также миф, никакого господства парламента не было. В Англии XVIII века король мог получить почти любые суммы без парламента, коррупция процветала, а суды закрывали глаза на эти факты, так как сами были коррумпированы, блат использовался для достижение групповых интересов. Все эти факторы привели к тому, что англичане проиграли американцам в Войне за независимость США. «Если в 1689 г. электорат Англии и Уэльса составлял 240 тыс. человек, или 20,6 % взрослого мужского населения, в 1715 г. 300 тыс. человек, или 23,4 % взрослых мужчин, то к концу века, несмотря на абсолютный рост избирателей до 340 тыс. человек, их доля сократилась до 17,2 %» [Сидоренко 2020: 61]. Уже этих данных достаточно для того, чтобы понять, что со времен «Славной революции» до начала промышленной революции никакой демократизации в Англии не было.

Кроме того, ни о какой демократии не может идти речь до начала XIX века, в Англии были законными рабство и работорговля. Как пишет Д. Травин: «Это еще не демократия. Демократизация даже в Великобритании началась лишь с 1832 года. До этого членов парламента избирали в силу их социального статуса и личных связей. Не только простой народ, но даже многие богатые люди в выборах не участвовали. Только с 1832 года все представители элиты (только элиты!) стали пользоваться равными политическими правами. А в конце 1830-х годов возникли политические партии современного типа»¹⁷ [Травин 2022: 132].

Факты говорят о том, что в Англии XVIII века до промышленной революции не было такого парламента, который способствовал бы развитию капитализма. Скорее, наоборот. Высокие пошлины остались со времен статутов, обязывающих хоронить мертвецов в шерстяном саване, для поддержки собственного производителя. Инфляция была организована крайне высокой после учреждения Банка Англии в 1694 году. Цена на

¹⁶ Г. А. Кавтарадзе выделяет несколько событий: «Славная революция» 1688 года и принятие Билля о правах, после которого король не может принимать законы и назначать налоги без санкции парламента; В 1695 году провозглашена полная свобода печати; «Славная революция» поставила в основание английской цивилизации принцип свободы договора [Кавтарадзе 2005: 146].

¹⁷ URL: <https://economytimes.ru/gumanitarnyy-kontekst/egoizm-elit-kak-istochnik-demokratii> (дата обращения: 27.04.2023).

хлеб выросла за 50 лет с 3 пенсов до 1 шиллинга и 2 пенсов, мыло — с 3 пенсов до 10 пенсов, соль — с 1 пенса до 4 пенсов [Манту 2023: 649]. Почти сразу же Банк Англии вынужден был приостановить размен банкнот, так как наполнил ими экономику. Протекционизм процветал так же, как и до 1688 года, не были отменены шерстяные статуты, не был отменен Навигационный акт Кромвеля, после 1688 года стал взиматься налог за наличие в доме окон — еще со времен Вильгельма III (1696 год). До начала войн с Францией все владельцы домов платили фиксированный налог в 6 шиллингов в год, а дома, в которых имелось семь или более окон, платили и дополнительные пошлины, которые увеличивались в соответствии с количеством окон. Государственное регулирование плохо сказывалось на качестве жилья. Так, в 1738 году Сэмюэль Джонсон писал о Лондоне как о городе, где «здания обрушиваются прямо тебе на голову». «Продажные» виги 46 лет находились у власти, что является абсолютным рекордом для демократического парламента свободной страны. Именно в XVIII веке было принято более 400 статутов только об огораживании. Никто не был наказан за коррупцию, хотя все знали о ее наличии во всей политической системе Англии сверху донизу. Места в парламенте активно покупались, причем открыто. Суды подвергались давлению властей и аристократии, поэтому все расследования о коррупции начинаются только при Питте-младшем.

Таким образом, пожалуй, самое распространенное объяснение причины промышленной революции в Англии не работает. Никакой демократии и независимого парламента в Англии тогда не было. Она появилась уже после промышленной революции.

Не огораживание. Марксистское объяснение промышленной революции состоит в том, что ей предшествовало так называемое огораживание. За счет укрупнения и раздела земельных хозяйств сформировался класс пролетариев, именно им предстояло стать эксплуатируемым классом, именно за счет него происходило первоначальное накопление капитала по Марксу. «Овцы пожрали людей» — так Т. Мор — а вслед за ним и К. Маркс — описывал процесс изгнания с земель крестьян. На самом деле, первые законы о бродяжничестве были приняты в далеком 1383 году [Майбурд 2022: 473]. Но тогда почему не случилась промышленная революция в XV веке? Бродяжничество не было чисто английским явлением, оно было повсеместным. Так, в немецких епископствах на 1000 человек прихода насчитывалось 260 нищих [там же: 476]. Если бы этот процесс вызывал промышленную революцию, то она произошла бы в Германии как абсолютном рекордсмене. Можно

вспомнить и Индию, где нищих всегда хватало, но и там не случилась промышленной революции.

Если же посмотреть на масштаб бедствия, то станет понятно, что оно не могло в принципе создать миллионы пролетариев. Так, огораживание лишило земли менее 10 000 человек. В результате огораживания 1485–1517 годов было изгнано с земли 7000 крестьян, в 1588–1607 годах — 2200 крестьян [там же: 477].

Кроме того, изображать ситуацию так, что крестьян лишили частной собственности на землю, в принципе неверно, так как земля по закону все равно принадлежала лендлордам. Несомненным остается тот факт, что огораживание было важно для увеличения эффективности сельского хозяйства и для преодоления чересполосицы. В итоге, хотя формально йомены исчезли, они не стали хуже жить, так как превратились в капиталистических фермеров [там же: 481]. В целом процесс огораживания не может объяснить, почему промышленная революция произошла именно в Англии и именно в конце XVIII века.

Совокупность факторов не работает. Многие исследователи, отчаявшись найти причину промышленной революции, ищут ее в совокупности факторов. Хотя каждый из них в отдельности не работает, но почему-то их совокупность должна вызвать промышленную революцию. Так, Д. Сакс выделяет четыре причины: 1) наука; 2) университеты; 3) финансовые рынки; 4) много угля¹⁸ [Сакс 2022: 223–224]. Две первые причины мы рассмотрели раньше (они не работают), финансовые рынки были гораздо более развиты в Амстердаме, а запасы угля были большими во многих других регионах — например, в Китае. Но там не произошло промышленной революции.

Поэтому совокупность факторов также не работает.

Д. Сакс верно пишет, что должно было произойти событие, которое как искра вызвало бы промышленную революцию, но ни Великая хартия

¹⁸ Дж. Хикс предложил свою совокупность факторов: формирование институтов, защищающих частную собственность и контрактные обязательства, в частности, независимой и эффективной судебной системы; высокий уровень развития торговли; формирование рынка факторов производства, в первую очередь рынка земли (т. е. торговля землей стала свободной и была освобождена от феодальных ограничений); широкое применение наемного труда и невозможность использования принудительного труда в широких масштабах; развитость финансовых рынков и низкий уровень ссудного процента; развитие науки. Все эти причины мы рассмотрели выше и отвергли как неспособные ответить на вопрос: «Почему Англия?»

вольностей 1215 года¹⁹, ни «Славная революция» 1688 года на эту роль не подходят. «У Британии имелось необычное сочетание благоприятных условий, которые в совокупности сделали возможным изобретение [паровой машины] Дж. Уатта и его последующее стремительное внедрение <...> до этого не возникло искры, необходимой для того, чтобы привести индустриализацию в движение» [там же: 223–224]. Что же это за *искра*?

Получается, что к началу XXI века никому не удалось непротиворечиво объяснить наиболее важное событие в экономической истории мира — промышленную революцию в Англии в конце XVIII века. Ни одно объяснение промышленной революции, созданное за 250 лет, не может удовлетворительно ответить на вопрос о том, почему промышленная революция произошла именно в Англии и именно в конце XVIII века. Какое событие все же вызвало промышленную революцию?

Хорошее объяснение причины промышленной революции, несомненно, должно включать событие, которое его породило. На эту роль не подходит ни 1215-й, ни 1688 год. Хорошее объяснение промышленной революции в Англии должно соответствовать следующим условиям:

1) Событие должно близко отстоять по времени, так как невозможно объяснить процессы 1780-х тем, что произошло в 1215 году.

2) Событие должно быть связано с историей Англии и быть одним из наиболее существенных для этой страны.

3) Событие должно быть уникальным, так как в противном случае промышленная революция случилась бы в другом месте и в другое время.

¹⁹ Д. Травин пишет об этом: «По сей день встречается чересчур восторженное отношение к Великой хартии вольности. Особенно это проявилось в связи с недавним восьмисотлетием ее появления. Некоторые комментаторы в торжественных речах отмечали, например, что Magna Carta означает предпочтение англичанами права, а не тирании, эволюции, а не революции, хотя даже школьный обзор английской истории показывает наличие в отдельные времена и тираний, и революций». «Можно говорить об абсолютном бесправии евреев (далеко не последних людей в экономике Средневековья), подвергшихся изгнанию из Англии в 1290 г. и в связи с этим фактически потерявших все свое имущество <...> В похожем положении регулярно оказывались любые политические противники власти и другие, с ее точки зрения, преступники. Их не просто репрессировали, но еще и подвергали конфискации имущества. То есть сын отвечал за отца: средств к существованию лишился весь род, а не только лица, непосредственно виновные в каких-то проступках. Например, Генрих VII Тюдор издал Акт о государственной измене, направленный против Ричарда III и его сторонников. Там отмечалось, что у них будут конфискованы все замки, поместья, владения, жилища, ренты, службы, пенсии, движимое имущество и многое другое» [Травин 2018: 15].

4) Объяснение причины промышленной революции должно не противоречить экономической теории, т. е. тем законам экономики, которые объясняют причины экономического роста.

5) При описании этого события следует не опираться на распространенные мифы, такие как господство демократии, свободы договора и прав собственности в Англии до промышленной революции.

Поражение в Войне с американцами как причина промышленной революции

Таким событием является поражение в Войне за независимость (1775–1783) с американцами. Именно оно предшествовало промышленной революции. Как пишет Л. Сидоренко: «Американская революция также стала мощным побудительным процессом для реформирования британской системы имперского управления, в том или ином виде повлияв на политические, идеологические и даже конституционные процессы в метрополии [Сидоренко 2020: 6].

Кажется, никто из исследователей не обратил внимания на связь между этими двумя событиями: между Войной за независимость США (до этого были 13 английских колоний) и промышленной революцией в самой Англии. Это кажущееся на первый взгляд экстравагантным объяснение можно убедительно доказать имеющимися фактами.

Почему потеря колоний вызвала промышленную революцию:

Победа минимальной модели государства. Поражение в войне с американцами показало, что коррупция — бич метрополии и что децентрализация лучше обеспечивает стабильность и безопасность. Колонисты, в отличие от метрополии, осуществляли на практике более свободлюбивую модель.

Сокращение расходов, уничтожение барьеров и бюрократии было неизбежным следствием финансово-политического кризиса, вызванного войной.

Новые рынки сбыта²⁰. До поражения в войне англичане относились к 13 колониям вполне в стиле меркантилизма. Таковую политику озвучил премьер министр. Питт-старший угрожал американцам тем, что

²⁰ «Нет смысла строить [паровую машину] только для трех графств, однако я нахожу более чем выгодным строить их для всего мира». Джон Болтон в письме Джеймсу Уатту (1769).

отправит в Америку войска, если узнает, что в колониях производится «хотя бы один гвоздь или подкова». «Парламент увеличил пошлины на ввоз в Северную Америку «вина, масла, овощей, фруктов, чая, стекла, бумаги, свинца, краски, фарфора, шелковых и полотняных тканей из других стран» [там же: 267]. Естественно, падение англичан привело к росту производства в самих колониях, и уже через несколько лет они сами экспортировали все, что раньше навязывала протекционистская политика метрополии. Гёте писал в своем Итальянском путешествии в 1787 году: «На море, четверг, 29 марта. Исполненные нетерпения, мы провели утро частью на берегу, частью в кофейне; наконец в обеденное время мы взошли на судно и наслаждались чудесным видом при прекрасной погоде. Корвет бросил якорь неподалеку от Моло. При ярком солнце — туманная атмосфера, отчего затененные скалы Сорренто окрасились в прекрасный голубой цвет. Освещенный солнцем оживленный Неаполь сверкал всеми красками. Только после захода солнца корабль двинулся с места, но очень медленно; противный ветер отогнал нас обратно к Позиллиппо и его оконечности. Всю ночь корабль спокойно плыл вперед. *Он построен в Америке* (курсив мой. — П. У.), быстроходен, с уютными каютами и отдельными койками внутри» [Гёте 2023: 258]. Еще недавно такой корабль невозможно было построить в Америке, так как этому мешали запретительные законы Англии, в частности Навигационный акт Кромвелля. Если раньше торговля носила примитивный характер (колониям запрещалось производить даже гвозди и подковы, только покупать у метрополии), после независимости экономика всех бывших колоний стала гораздо более диверсифицированной, стало появляться свое производство, а у него был спрос на английскую продукцию в еще большем объеме. Сработал закон сравнительных преимуществ Д. Рикардо.

Страх аристократии вмешиваться в экономику. Английские элиты понимали, что революция может перекинуться в метрополию, что позже произошло во Франции, нужно было принимать решительные меры. И в 1779 году «после четырех лет неудачных кампаний американская война стала ненавистна нации» [Сидоренко 2020: 113]. «Потеря американских колоний оказалась бы политическим и экономическим бедствием, которое сведет роль Британии к «очень низкому классу среди европейских государств» [там же: 253]. Такие были ожидания, и именно они стимулировали реформы.

Политический кризис в Англии и последующая «парламентаризация», вызвавшая либеральные рыночные реформы Питта-младшего, всем был понятен корень проблем — коррупция: «В этом плане избирательная

коррупция являлась привычным злом. Если в округе баллотировался вигский кандидат в период господства вигов, избирательное право находилось в руках его друзей. Если же в том же округе состоялись новые выборы, но уже в период торийской администрации, избирательное право определялось тори. «Вкратце, чтобы привести к власти нужного кандидата и усилить большинство новым голосом, какое бы то ни было чувство закона, справедливости и даже приличия отбрасывалось» [там же: 119]. Коррупцией были недовольны все англичане, «спящий институт» парламентаризма был активизирован кризисом и поражением в войне с американцами.

Как ни странно, но потеря колоний благотворно повлияла на Англию. То, что произошло в Англии, не произошло во Франции — свои колонии она стала терять только в XX веке. В частности, Алжир, о котором писал еще в XIX веке Ф. Бастиа: «Все четыре оратора дерутся за трибуну. Сначала они говорят все вместе, разом, потом один вслед за другим. Так что же они сказали? Разумеется, они толковали о прекрасных вещах — о могуществе и величии Франции, о необходимости посеять доброе зерно, чтобы собрать хороший урожай, о блестящем будущем нашей огромной колонии, о выгоде и преимуществах переселения в далекие места чрезмерного избытка нашего населения и т. д. и т. п. Великолепные образчики красноречия, всегда украшаемые и завершаемые примерно так: “Проголосуйте за выделение 50 млн (или больше, или несколько меньше) на строительство в Алжире портов и прокладку дорог, на перевозку туда колонистов, на их новое жилье, на культивацию их новых земель. Этим вы поможете французскому трудящемуся, поощрите африканский труд, увеличите марсельскую торговлю. Все это и во всех отношениях — прямая выгода”. Люди аплодируют, восхищаются красотой и легкостью начатого дела и требуют его продолжения и расширения. А вот то, чего не видно, так это замедление или остановка по всей остальной Франции равного этому буму количества труда, притом, быть может, более ценного и полезного. Возлагаются большие надежды на будущее процветание Алжира. Пусть так. Но нельзя забывать, что, пока это алжирское будущее наступит, Франция неизбежно испытает на себе неурядицы, упадок, разруху» [Бастиа 2006: 33].

Популярными тогда, как и сейчас, идеи Бастиа не назовешь. Однако, в отличие от многих исследователей, Бастиа видел, что причиной разрухи может быть борьба за колонии и территории.

XX век показал, что богатыми обществами могут быть и те, что лишены всяких колоний.

После поражения в войне элиты опасались того, что революция перекинется и на метрополию²¹, англичане активно сопротивлялись новым налогам, а государство просто боялось создать у себя что-то вроде «бостонского чаепития», тоже произошедшего из-за налогов.

Некоторые полагали необходимым ввести новые налоги (кстати, и Питт-младший). «В числе налогов должны были фигурировать налоги на сырье, в особенности на железо, медь и каменный уголь. Крупные промышленники пришли к мысли выступить сообща с известными практическими домогательствами. Владельцы горных и металлургических предприятий тотчас же всполошились: не объединяясь в общество в тесном смысле этого слова, они сталкивались между собой относительно известных шагов перед первым министром и доведения до его сведения своих возражений. Рейнольдс из Колбрукдейла составил докладную записку, в которой указал на успехи, достигнутые металлургией железа благодаря употреблению каменного угля; неужели правительство хочет рисковать замедлением или приостановкой их? Болтон формулировал свое мнение в выражениях, от которых не отказался бы Адам Смит: “Не облагайте того, что служит для его [богатства] создания. Одного надо остерегаться больше всего: не резать курицы, несущей золотые яйца”» [Манту 2023: 422].

Внешняя торговля Англии возобновилась сразу именно после окончания Войны за независимость — например, многократно вырос экспорт из Англии²². США, в частности, стали активно покупать продукцию из Англии, да и новые возможности американцев и новые рынки сбыта не могли не вызвать рост внешней торговли во всех странах. Как писал

²¹ «Наше внутреннее управление, наш заем, наша коммерция, наша армия, все в тупике, пока кандидаты на пост составляют их петиции; тем временем у нас нет денег, а наши войска и моряки в состоянии мятежа» [Сидоренко 2020: 178].

²² «Начиная с 1763 г. мы констатируем заметный подъем, продолжающийся с большим постоянством до начала войны с американскими колониями: 658 тыс. т в 1764 г., 746 тыс. в 1766 г., 761 тыс. в 1770 г., 864 тыс. т в 1774 г. Но вот в колониях разражается революция, и цифры тотчас же падают: 820 тыс. в 1777 г., 730 тыс. в 1779 г., 711 тыс. в 1781 г. Затем, по миновании кризиса, подъем настолько резок и стремителен, что дает право предполагать скрытое действие какой-то энергичной причины: 959 тыс. в 1783 г., 1055 тыс. в 1785 г., 1405 тыс. в 1787 г. Несмотря на некоторое замедление, замечающееся начиная с 1793 г., начала нового периода войн, тоннаж выходящих из портов судов достигает в 1800 и 1801 гг. 1924 тыс. и 1958 тыс. т; за 20 лет цифра 1781 г. возросла почти втрое» [Манту 2023: 90]. К сожалению, П. Манту не обнаружил эту «энергичную причину» — поражение в войне.

П. Манту: «Политика *laissez-faire* торжествовала. В судах, как и в законодательных собраниях, она не встречала больше противников. Вначале чисто эмпирическая и исполненная непоследовательности, она опиралась отныне на абсолютные формулы экономистов, в которых находила свое теоретическое оправдание» [там же: 498]. Именно эта политика, как известно, и обеспечивает рост благосостояния. Однако она была следствием, но не причиной промышленной революции.

Хотя этого никто специально не планировал, но все получилось по схеме А. Смита: «Для того чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужны лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении, все остальное сделает естественный ход вещей» [Smith 1755: 25]. Поражение Англии в войне с американцами вызвало мир, либеральные реформы Питта-младшего и распространение по всему миру выдающихся изобретений английских предпринимателей и ученых. С этих событий начинается новая эра в экономической истории мира.

Интриги английского двора: что происходило в самой Англии

Rule, Britannia! Britannia rule the waves:
Britons never will be slaves.

Американская революция стала моментом истины не только для тринадцати североамериканских колоний, но и для самой Великобритании, для ее политической системы и для перспектив ее экономики [Сидоренко 2020: 7].

«Историю пишут победители». Пожалуй, эта фраза особенно верна в отношении Войны за независимость, которую знают почти исключительно с позиции американцев. Что же об этом думали англичане и за что воевал Георг III, объясняется, как правило, очень просто — его безумием²³.

²³ Монарх страдал наследственным заболеванием, раньше считалось, что душевным, позже установили, что это порфирия. «Власть порфирии над Георгом III повлияла как на его физическое, так и на психическое здоровье, что, возможно, оказало огромное влияние на ход истории Великобритании» [Сидоренко 2020: 219]. Кстати,

Непреднамеренным последствием независимости США для Англии стало то, что она выиграла от этого. «Англия расширила свои рынки сбыта за счет американских колониальных революций. Это же верно и в отношении США, традиционные торговые связи с Англией были быстро восстановлены; кроме того, значительно вырос спрос английских производителей на сырье, в том числе на хлопок» [Кавтарадзе 2005: 152–153].

Поражение сделало неизбежным политический кризис в Англии. Во время кризиса королю и парламенту было не до расширения своих полномочий, они боялись, что их свергнут в Англии так же, как их свергли в Америке.

Запреты, ограничения и новые налоги, которые любит создавать государство, в этот период были политически невозможны. Так, в 1780 году потерпела неудачу попытка запретить хлопчатобумажные прядильни, в 1794 году — гребнечесальную машину; даже шерстяная отрасль стала лоббировать отмену чеховских регламентов для себя, и в 1809 году они были полностью отменены. Кроме того, в 1814 году были отменены 250 ремесленных уставов²⁴. Общественное мнение, в высшей степени недовольное тем, как идет война, не потерпело бы всех этих обычных для государства мер.

Невозможно понять внутренние политические процессы в Англии, не остановившись на личности короля Георга III. В детстве о нем оставили такой отзыв: «Наследник хорошо контролирует свои страсти и редко поступит неправильно, за тем исключением, когда ошибка принимается за правду, но, когда это произойдет, его очень сложно вывести из заблуждения, потому что он удивительно вялый и имеет сильные предубеждения» [Сидоренко 2020: 218]. Это было характерно и для зрелого возраста, Георг III «порою откровенно капризничал, прерывал переговоры, обвиняя в срыве коалицию» [там же: 176]. Он любил говорить: «Бесполезные дискуссии не в моем вкусе». Его воспитание

она активизируется при вдыхании не очень чистого воздуха, коего хватало в некоторых городах после начала промышленной революции. После 1783 года монарх периодически впадал в маразм и разговаривал с деревьями, не узнавая супругу. Все это не мешало Питту-младшему проводить реформы. Как мы видим, у промышленного производства есть и неожиданные положительные для общества экстерналии.

²⁴ В Англии до 1843 года действовал запрет на экспорт машин и запрет на трудовую эмиграцию до 1825 года. По словам Дж. Мокира, «ни одна из этих мер не была особенно эффективна» с точки зрения заявленной цели [Мокир 2014: 400]. Эти ограничения так или иначе обходились.

было связано с виконтом Болингброком: «Работы виконта Болингброка, традиционно считавшегося политическим учителем будущего Георга III», сильно на него повлияли [там же: 29]. Болингброк выдвинул идею необходимости превращения принца в неподкупного патриота, который вернет конституцию к ее оригинальной чистоте. «Эта теория имела явное восхождение к знаменитой “Патриархии” Филмера» [там же: 215]. Монарху внушалась особая миссия, борьбы с парламентом за свои монархии права: «Король, со своей стороны, был полон решимости не поддаваться напору богатых и влиятельных лиц, объединенных в структуру, которую он и многие другие считали фракционным заговором с целью монополизации правительства и низвержения королевской прерогативы» [там же: 128].

”Born and educated in this country, I glory in name of Britain”²⁵. С этими словами вззошел на престол король Георг III 25 октября 1760 года, он правил Британией до своей смерти 29 января 1820 года. Именно на его правление выпало два самых важных события: поражение в войне с американцами и промышленная революция. Обычно эти события рассматриваются отдельно и считаются никак не связанными друг с другом.

О Георге III и его деятельности можно также прочитать в Декларации независимости США, написанной Томасом Джефферсоном в 1776 году:

«Он грабил нас на море, опустошал наши берега, сжигал наши города и лишал наших людей жизни. Он в настоящий момент посылает к нам большую армию иностранных наемников с тем, чтобы окончательно посеять у нас смерть, разорение и установить тиранию, которые уже нашли свое выражение в фактах жестокости и вероломства, какие едва ли имели место даже в самые варварские времена, и абсолютно недостойны для главы цивилизованной нации. Когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа. История правления ныне царствующего короля Великобритании — это

²⁵ «Рожденный и получивший образование в этой стране, я горжусь именем британца, и личное счастье моей жизни будет состоять в повышении благосостояния народа» (The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch it is Continued Downwards in the Work Entitled “The Parliamentary Debates” Vol. XV. AD 1753–1765. London, 1813. Col. 982. (Wilson B. George III, as Man, Monarch and Statesman. London, 1907. P. 55–56.)).

набор бесчисленных несправедливостей и насилий, непосредственной целью которых является установление неограниченного деспотизма. Для подтверждения сказанного выше представляем на беспристрастный суд всего человечества следующие факты.

Он создавал препятствия для осуществления правосудия, отказываясь давать согласие на принятие законов об организации судебной власти. Он поставил судей в исключительную зависимость от своей воли путем определения сроков их пребывания в должности, а также размера и выплат им жалования. Он создавал множество новых должностей и присылал к нам сонмища чиновников, чтобы притеснять народ и лишать его средств к существованию.

[Он принимал законы]

- для прекращения нашей торговли со всеми частями света;
- для обложения нас налогами без нашего согласия;
- для лишения нас по многим судебным делам возможности пользоваться преимуществами суда присяжных;
- для отправки жителей колоний за моря с целью предания их там суду за приписываемые им преступления;
- для отмены свободной системы английских законов в соседней провинции путем установления в ней деспотического правления и расширения ее границ таким образом, чтобы она служила одновременно примером и готовым инструментом для введения такого же абсолютистского правления в наших колониях» [Джефферсон 1990: 244–247].

Следует отметить, что за несколько лет до начала войны американцы сами установили в центре Нью-Йорка памятник Георгу III. Среди американцев было много поклонников английской короны, английской культуры и конституции [Зубков 1983: 170–174]. Однако только до тех пор, пока американцы не посчитали, что король нарушает английскую конституцию. Парадоксально, но американцы, по существу, боролись за традиционные принципы английского права и за английскую конституцию. «Американское восстание было на самом деле консервативным движением, призванным защитить старые свободы колонистов» [Сидоренко 2020: 40]. Кстати, так думали и многие англичане, считая, что американцы продолжают их дело, начатое в 1688 году во время «Славной революции». Они не могли понять, кто для них американцы: враги или братья: «Вигские оппозиционеры, многие из которых поддерживали колонистов <...> для англичан отсутствовала ясность относительно того, кем были американцы, врагами или братьями» [там же: 45].

Если бы не упертость Георга III, то совсем не очевидно, что война закончилась бы независимостью. Американцы готовы были идти на переговоры, особенно они симпатизировали Питту-старшему (они также ему поставили памятник)²⁶, который считал, что американцы борются за права, дарованные им конституцией и что вполне можно пойти на представительство колонистов. При этом он считал, что конституция дает англичанам право на территории тринадцати колоний. Если бы не смерть Питта-старшего и не упертость Георга III, вполне возможно, что американцы и англичане при посредстве Питта-старшего смогли бы договориться на условиях колонистов и не доводя дело до независимости. Но в какой-то момент это стало невозможно. «В феврале 1774 г. Георг III говорил: «Они являются львами, пока мы остаемся ягнятами, но, если мы предпримем решительные шаги, они, несомненно, подчинятся» [там же: 248]. Он был убежден в своей правоте: «Я веду битву за законодательство» [там же: 250] и очень радовался победам: «После успеха Бургойна при Филадельфии в июне 1777 г. Георг III воскликнул, вбежав в покои королевы: «Я побил их! Побил всех американцев» [там же: 252].

Первоначально американцы считали, что все дело в бюрократии и коррумпированных политиках, а Георг III не является врагом для них. Со временем стало понятно, что инициатива в этой войне шла именно от короля. Тот считал, что воюет за свои конституционные права и за законы Британской империи. Недопустимо разрушать собственность, которую он как монарх должен защищать. Уничтожение чая в Бостоне он воспринял именно как нарушение законов государства и посчитал, что как гарант этих законов должен наказать виновников.

Георг III искренне радовался поражениям американцев и был убежден, что американцы подчинятся его воле.

Он не хотел повторять судьбу своего деда: «Георг III привык с презрением смотреть на своего деда как на “короля в цепях”» [там же: 217].

²⁶ «“Друзья Америки” <...> приняли американское требование “не облагать налогом без представительства” и отвергли право метрополии на налогообложение американских колоний. Большинство “друзей Америки” выступало против нестерпимых актов 1774 г. и желало отмены большей части законодательства, которое отчуждало колонистов от британского государства с 1763 г.» [Сидоренко 2020: 85]. «Резкий подъем протестных настроений в обществе и парламенте начался в самом конце 1770-х гг.» [там же: 201].

До последнего он был убежден, что все идет по плану²⁷. И даже поражение англичан в 1781 году не изменило его намерений²⁸. Но у народа были совсем другие настроения. «Поражение английских войск при Йорктауне в конце 1781 г. стало именно таким провальным событием, которое заставило министров осознать, что их дни сочтены. Георг III, считавший Францию близкой к банкротству, не стремился к завершению войны, полагая, что капитуляция в Америке вызовет крах торговли, ослабление метрополии в Ирландии, возрастание революционного духа в стране. Однако общественное мнение явно требовало быстрого мира» [там же: 152].

Вместо расширения полномочий короны Георг III столкнулся с финансовыми проблемами, парламент давил на монарха, требуя сократить расходы. Один оппозиционер писал Э. Берку: «Все мыслящие люди уже должны ясно осознать, что влияние короны и средств коррупции стало очень опасным для конституции» [там же: 181]. «Постыдные и скандальные назначения офицеров военно-морского флота, особенно под влиянием интереса парламентских группировок стало причиной поражения в войне» [там же: 186]. Хотя Георг III не хотел назначать премьер-министром Питта-младшего, ему пришлось это сделать под давлением общественного мнения и богатых членов парламента²⁹.

²⁷ «Георг III, как обычно, был полон оптимизма: он положительно оценил предпринимавшиеся военные усилия, выразил уверенность в возвращении американских подданных к лояльности и призвал членов обеих палат уберечь народ от новых попыток свергнуть «нашу свободную и счастливую конституцию».

Прошлый парламент был «самым знаменитым, рабским, низменным, грязным, продажным, подлым, непоследовательным, презренным парламентом, который когда-либо существовал: он предавал права народа, попирали его привилегии, попирали его величие, рабски принижали прерогативы и портили кровь и достояние общества, чтобы удовлетворить личные амбиции и алчность» [Сидоренко 2020: 150].

«Расширением налогооблагаемых видов деятельности за счет мероприятий досуга принять меры против адюльтера и порчи невинных девиц, законодательно введя санкции и общественное порицание распутникам; а имя короля в принципе сделать недоступным для критики» [там же: 151].

²⁸ Здесь показательно письмо, датированное 29 октября 1782 г. автором знаменитого «Здравого смысла», который утверждал, что это единственный способ выйти из продолжавшегося конфликта. Единственный способ выйти «из дорогой и кровавой войны, которая сейчас не имеет никакой цели, без признания чего не может быть мира» [Сидоренко 2020: 166].

²⁹ Следует уделять особое внимание внутривнутриполитическим процессам. Так, настоящей революцией в историографии проблемы стало появление в 1929 году

Общее мнение состояло в том, что существовавшая система являлась вполне работоспособной, а ограничения должны были быть плавными, что и предусматривала экономическая реформа, но при потенциальном усилении влияния монарха «вскоре бы настал конец состязательности, и единственное постоянное влияние в нашей стране, которое бы двигало каждой вещью, было бы влияние короны» [там же: 124].

Эти опасения вызвали проект реформ. «Движение за экономическую реформу началось как нападение на политическую систему Георга III, конфликт, который начался с его восшествия на престол, но был доведен до кульминации условиями американской войны, обострившей недовольство системой расходования средств короной» [там же: 132].

Конфликт был, как всегда, по поводу денег. Министры Георга III продолжали придерживаться доктрины, по которой парламент не контролировал расходы по нему, в 1741 году специальная комиссия проводила расследование деятельности администрации Роберта Уолпола и король отказался предоставлять детали по тратам из Цивильного листа на секретные фонды — законы это ему позволяли [там же: 132].

Но парламент это не устраивало. «Члены парламента признали необходимость сдерживания военных расходов, сокращения трат на крупные синекуры, совершенствования системы государственного аудита» [там же: 133].

Критика состояла в том, что контракты заключаются в интересах министерского влияния, а не государственной экономики; а подрядчики являются друзьями правительства и получают за счет этого огромную прибыль.

Контроль над расходами в значительной степени отсутствовал, что порой делало возможным совсем уж экзотические способы заключения контракта — например, в долг с последующей оплатой парламентом, который понятия не имел о данной финансовой операции. Министры сформировали коррумпированный законодательный орган; они сделали

книги Льюиса Нэмира «Структура политики при вступлении на трон Георга III». В ней автор критично рассмотрел привычную вигскую интерпретацию истории о традиционной борьбе вигов и тори за большинство в парламенте ради господства над кабинетом. Прodelав большую работу в архивах, Нэмир взглянул на проблему не от общего к частному, а наоборот, описав побудительные мотивы индивидов в их участии в политике. Как отмечает Пол Лэнгфорд, Нэмир не столько дал новые ответы, сколько задал новые вопросы, рассмотрев восемнадцатый век не как поле битвы идеологий, а как пробную площадку для новой исторической социологии» [Сидоренко 2020: 17].

неправомерное влияние главной пружины правительства; и, следовательно, они допустили монархию, обладавшую произвольной властью» [там же: 133].

Чтобы вернуть ответственность, один из оппонентов предлагал поставить зарплаты министров в зависимость от курса акций, который являлся лучшим барометром положения в стране [там же: 134].

Оппозиция была настроена решительно и лишь ждала подходящего момента. Он наступил 24 февраля 1783 года.

Питт-младший

Влияние короны возросло, возрастает и должно быть уменьшено

[Сидоренко 2020: 145].

Питту-младшему было 24 года, когда он стал премьер-министром Великобритании. Ему предстояло пробыть на этом посту почти 20 лет.

Такую карьеру он смог сделать благодаря своим ораторским талантам и подходящему моменту: «Кульминация [борьбы] началась в ноябре 1779 г., когда была открыта одна из самых бурных сессий парламента в эпоху Американской революции. Этому способствовала общность интересов разных парламентских групп по вопросу экономической реформы, обе партийные группы сообща участвовали в атаке на влияние короны и требовали большей экономии в расходовании средств» [Сидоренко 2020: 144].

На короля оказывалось сильнейшее давление со стороны оппозиции. Король писал по этому поводу: «Из-за холодной надменности, с которой со мной обращаются, мне очевидно, какого обращения я должен ждать от оппозиции, если меня вынудят призвать их сейчас на мою службу. Их не удовлетворит ничто, кроме полной смены политики и политиков: чтобы получить их поддержку, я должен передать себя лично, свои принципы и владения в их руки: я также должен избавиться от каждого заслуживающего похвалы старого и преданного слуги, чтобы со мной обращались, как их негодование или жалость велят им» [там же: 144].

Питт-младший был противоположностью монарха. Луи Брентано так характеризовал молодого премьер-министра: «Его необычайно широкие

познания и энергия помогли его властной натуре осуществлять свою волю. Он был первым <...> признавшим, что лучшей гарантией международного мира является свобода и расширение товарооборота между нациями» [Брентано 1930: 53].

Питт был поклонником творчества Адама Смита. И рассказывал, что на одном обеде, где присутствовал Смит, он отказался сесть, пока не сядет Смит, ибо все присутствующие — ученики Смита [там же: 53].

17 января 1792 года Питт говорил о Смите как о писателе, «всеобъемлющее и детальное знание и глубокий философский дух которого дают, по моему мнению, наилучшее решение всякому вопросу, связанному с историей торговли и с системой народного хозяйства» [там же: 53].

Смит говорил о Питте: «...что за необыкновенный человек Питт! Он понимает мои идеи лучше, чем я сам!» [там же: 53].

Андре Моруа писал о Питте-младшем:

«От великого Питта-старшего Питт-младший унаследовал безупречную честность и непререкаемый авторитет. Хотя перед ним открылись все синекуры, он сумел остаться бедным. Когда, несмотря на сопротивление вигов, король сделал Питта премьер-министром (в возрасте 24 лет), престиж главы правительства сразу же возобладал над престижем монарха. Питт-младший будет непрерывно управлять Англией на протяжении двадцати лет и привнесет в ее политическую жизнь новое и драгоценное качество: чистоту» [Моруа 2022: 529–530].

Реформы Питта-младшего были направлены на дерегулирование экономики: Питт назвал в 1781 году войну с колониями «позорной, братоубийственной и кровавой»; кроме того, он выступил в защиту «билля об экономической реформе» Э. Берка; правительство Питта было первым, отказавшимся от системы подкупов; в 1787 году Питт заключил договор с Францией [Брентано 1930: 54], в силу которого для подданных обеих стран была уничтожена обязательность паспортов при переезде из одной в другую, ограничены некоторые стеснения торговли и уменьшены ввозные пошлины; в 1792 году Питт направил посольство в Китай с целью открытия рынков этой страны для английских товаров; В 1794 году он поддержал и провел акт, по которому преступления печати всецело передавались на рассмотрение присяжных и которым фактически была создана полная свобода печати в Англии; пошлины, как, например, на ввозимый чай, были значительно понижены; еще одним важным внутренним вопросом, который должен был решать Питт, был государственный долг, удвоившийся до 243 млн фунтов стерлингов во время войны в Америке. К 1792 году долг упал

до 170 млн фунтов стерлингов; в 1792 году Питт сократил английский флот на 2 тыс. моряков, заявив: «наверняка в истории этой страны никогда не было времени, когда ситуация в Европе позволяла бы больше надеяться на пятнадцать лет мира, нежели настоящий момент»; с 1784 по 1793 г. английский экспорт вырос с 10 до 18 млн фунтов стерлингов; с 1783 по 1792 год котировки ценных бумаг выросли с 74 до 96 пунктов [Моруа 2022: 532]; Питт, будучи превосходным финансистом, больше интересовался бюджетом, чем войсками. Общественные расходы были сокращены в шесть раз³⁰. Питт сократил за десятилетие после 1783 г. порядка 400 синекур, но в большей степени это было сделано в качестве способа снизить расходы. В 1785 г. он выступил в палате общин с оригинальным планом реформы парламента, направленной на сокращение числа «гнилых местечек» [Сидоренко 2020: 197].

Он опирался на программу Э. Берка, предложившего упразднить многие должности, которые считал бесполезными для общества, но ценными для коррупции или затратными для бюджета [там же: 130].

В экономической теории доказано, что сокращение государственных расходов и увеличение экономической свободы приводят к росту экономики. Чем больше экономической свободы, тем выше благосостояние. До 1792 года Питт-младший проводил последовательную политику либерализации экономики, и хотя война с Францией в 1792 году вызвала рост интервенционизма, но по инерции запущенный механизм промышленной революции не удалось остановить новыми мерами регулирования, которые все же оставались незначительными по сравнению с XX веком: «Пусть многие из принятых Питтом мер оказались неадекватными или осуществлялись недостаточно эффективно, они заложили основу для устойчивого процесса финансовых и административных преобразований, продолженных в том числе его сменщиками» [там же: 196]. Как результат сокращение влияния короны произошло не в 1780-х гг. и не в 1832 г., а в долгий период между этими датами. «Движущими силами этих изменений были: постоянное давление оппозиции, более дешевая и более влиятельная пресса. В результате к девятнадцатому столетию министры управляли парламентом без всей той системы влияния, которая считалась столь необходимой в XVII в.» [там же: 199].

Как отмечалось выше, причина кризиса коренилась в коррупции: «Главным объектом критики парламентской оппозиции стал феномен

³⁰ URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8265/CBP-8265.pdf>. (дата обращения: 27.04.2023).

«старой коррупции» — широкого использования пенсий, синекур и безвозмездных вознаграждений для лиц, которых британское правительство и король хотели подкупить или вознаградить. Необходимо отметить, что коррупционные практики издавна являлись частью британской политической системы, к которым были причастны, особенно на местном уровне, даже оппозиционеры. Однако тяжелое положение страны в войне делало высший эшелон королевской коррупции легко уязвимым для заслуженной критики. С другой стороны, напрямую покуситься на королевские прерогативы парламентская оппозиция также не могла, ибо это стало бы чрезмерно революционной мерой. Поэтому в качестве программы действий ведущей вигской фракции в парламенте была предложена экономическая реформа — система мер, ограничивавшая финансовые источники монарха, но оставлявшая в целом прерогативы короны нетронутыми» [там же: 202].

То есть Англия выбрала консервативную реакцию на кризис: не революция как во Франции, а эволюция с опорой на экономическую свободу.

Для промежутка времени между 1780-ми и 1830-ми годами в британской политике можно выделить феномен, определяемый Ч. Тилли как «парламентаризация», которая имела три основных компонента: 1) усиление влияния центрального правительства на принятие решений и управление ресурсами в Великобритании в целом; 2) относительное и абсолютное усиление власти парламента в рамках центрального правительства; 3) в политической жизни вне центрального правительства — усиление роли парламента и его членов в борьбе за власть [Tilly 1997: 246]. То есть переход от «спящего института» парламента к реально действующему институту.

Кроме того, англичанам удалось совершить «перезагрузку» политической системы и ее легитимности: общественная поддержка позволила Питту-младшему провести досрочные выборы и уверенно их выиграть, что сняло все вопросы и позволило стране выйти из кризиса. Институт короны сохранил былое значение [Trevelyan 1937: 41].

В итоге англичане модернизировали свою политико-правовую систему, что вызвало непреднамеренное последствие в виде промышленной революции в Англии в конце XVIII века.

Описание общей логики событий, вызвавших промышленную революцию в Англии. В Англии не было специфических условий, выделявших ее на фоне других стран Европы: хорошее образование, наука и университеты, пресса, формальные политические права и формальное наличие

частной собственности были тогда во многих странах. Должно было возникнуть событие, которое вызвало бы перемены. Этим событием стало поражение Англии в войне с американцами.

Георг III в силу личных факторов ввязался в войну с колонистами, сделав из этого личную вендетту. Коррупция и усиление власти короля сделали поражение англичан неизбежным. Э. Берк предложил план экономических реформ, обещавший сохранение монархии, но при либерализации экономики. Хотя Георг III не хотел прекращать войну, представители английской элиты вынудили его пойти на реформы и назначить премьер-министром Питта-младшего — сторонника мира и экономической свободы. Он существенно сократил государственные расходы, уничтожил синекуры, стал бороться с коррупцией (которая при нем исчезла), снизил пошлины, сократил государственный долг, расходы на армию, в шесть раз уменьшил общественные расходы, ограничил право короля тратить деньги по Цивильному листу. Все это позволило новым отраслям экономики «расправить крылья» и расширить рынок сбыта своей продукции. Текстильная, металлургическая и шерстяная промышленность активно развивались без вмешательства государства. Был непреднамеренно запущен механизм «эндогенных инноваций», который не смогли остановить даже этатизм и социализм XX века. А началось все с поражения в войне, без которого, возможно, английская экономика вернулась бы к темпам развития французской и мы бы не знали ни о какой промышленной революции и не пользовались бы ее плодами.

Почему не заметили этот фактор промышленной революции

М. Олсон писал о поражении Германии во Второй мировой войне как о факторе экономического развития. Он подошел близко к нашему объяснению, показав, что поражение в войне может вызвать экономический рост: «...страны [после поражения в войне]... должны расти относительно быстро после установления в них свободного и стабильного правового порядка. Этим можно объяснить “экономическое чудо”, которое пережили государства, потерпевшие поражение во Второй мировой войне, и прежде всего Япония и Западная Германия» [Олсон 2013: 105–106]. Правда, он не развил свою теорию и не применил ее для объяснения промышленной революции в Англии. Здесь он, скорее

всего, как институционалист считал вслед за Д. Нортон, что ее причину следует искать в «Славной революции» 1688 года.

Виды проигранных войн. Проигранные войны можно классифицировать по тому, как они закончились: а) проигрыш в войне с последующим распадом страны; б) проигрыш в войне с сохранением целостности страны.

Вид «а» проигранной войны неразрывно связан с революционными событиями в самой метрополии. Вид «б» можно подразделить на «б1» — проигрыш другой империи и «б2» — проигрыш колонистам.

Уникальность поражения Англии в войне с американцами состоит в том, что это первая в истории новейшего времени война, проигранная метрополией своей заморской колонии. То есть мы видим, как одно уникальное событие — потеря колоний — вызвало другое уникальное событие — промышленную революцию³¹.

Пожалуй, самое удивительное состоит в том, что ни историки, ни экономисты, ни специалисты в других социальных науках не заметили фактора поражения в войне в начале промышленной революции. Почему? Можно выделить три причины.

Вигская история Англии рассматривала политическую жизнь в Англии как линейный процесс, начавшийся еще с Великой хартии вольностей. «Классической вигской трактовке событий присущи: наличие острого партийного конфликта между тори и вигами, пусть и состоявшими из аристократических фракций; а также линейный прогресс политических институтов, данный в тесной взаимосвязи с социально-экономическими процессами в стране» [Сидоренко 2020: 10]. Историки-виги XIX века старались изобразить историю Англии как череду побед общества над государством в защите своих прав и свобод. В такой картине мира Англия рассматривалась как образец после 1688 года. Все неприятные факты не привлекали особого внимания. Поэтому поражение в войне с колониями рассматривалось как неприятное происшествие, не поколебавшее устои Британской империи.

Незапланированные результаты действий не очень удобны для тех, кто рассматривает историю и экономику как поваренную книгу, где перечисляются рецепты экономического роста или секреты того, как вызвать промышленную революцию в отдельной стране. Такому подходу

³¹ Единственный пример схожего рода — война Нидерландов за независимость, но Нидерланды не были для Испании «заморской колонией», которая встраивалась бы в модель меркантилизма.

противоречит тот факт, что промышленная революция была вызвана тем событием, которого никто в Англии не желал, — поражением в войне. И тем не менее, видимо, в истории нет простых рецептов и многие важные события происходят непреднамеренно, подобно появлению «черного лебедя».

Гиперспециализация. Кроме того, с конца XIX века экономисты и историки редко стали заглядывать в труды друг друга. Экономисты считали, что политическая история Англии — это не их сфера научных интересов, а историки — что исследование влияния войн на экономический рост. «Этой теме не повезло как из-за начавшегося в 1760-е гг. промышленного переворота в Англии, что переключило часть советской, да и дореволюционной историографии на историю экономического развития королевства» [там же: 9]. В итоге возникла серая зона, которую можно было исследовать, только находясь на позиции не очень нынче популярного и диссертабельного междисциплинарного подхода. Думаю, редкой институцией, поощряющей подобного рода открытия, является Центр исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автору тяжело представить институцию, в которой это открытие было бы также возможно.

Заключение

В феврале 2023 года я по традиции работал в читальном зале Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. В перерыве мне удалось за чаем пообщаться с одним из крупнейших специалистов по экономической истории и истории экономической мысли профессором Л. Д. Широкоградом. На его вопрос о том, чем я сейчас занимаюсь, я ответил, что исследованием промышленной революции в Англии. На это Л. Д. Широкоград удивленно спросил: «А разве не все, что можно сказать об этом явлении, уже сказано и написано?»

Тогда я кратко рассказал ему о своей работе.

Внимательно выслушав мою речь, он протянул мне руку и сказал: «Поздравляю с научным открытием!»

Литература

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2014.

Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Андреев И. История религий: религии Передней Азии и христианство. Сергиев Посад: Изд-во МДА, 2015.

Барлова Ю. «Гнилые местечки» в истории Англии // Вопросы истории. 1999. № 6.

Бастиа Ф. Кобден и Лига: Движение за свободу торговли в Англии. Челябинск: Социум, 2003.

Бастиа Ф. Что видно и чего не видно. Челябинск: Социум, 2006.

Брентано Л. История хозяйственного развития Англии: в 3 т. М.: Государственное издательство, 1930.

Гёте И. Годы учения Вильгельма Мейстера: Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1978.

Гёте И. Итальянское путешествие. М.: Азбука-Аттикус, 2023.

Джефферсон Т. Декларация независимости США // Американские федералисты. Ньютон: Чалидзе публикейшнз, 1990.

Дмитриева О. Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI — начала XVII в. М.: Квадрига, 2021.

Зубков А. Английская корона и американские колонии накануне войны за независимость (1763–1775 гг.) // Вопросы истории. 1983. № 8.

Кавтарадзе Г. История экономического развития Запада. М.: Энигма, 2005.

Канторович Э. Два тела короля. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.

Кларк К. Цивилизация. М.: Азбука-Аттикус, 2023. С. 239–240.

Косарев А. Избирательная коррупция в Англии XVIII в. // Правоведение. 1961. № 4.

Майбурд Е. Карл Маркс как революционер и экономист. Челябинск: Социум, 2022.

Макаров Е. Англиканская церковь во внутривнутриполитическом развитии Англии второй половины XVIII в. // Вояджер: мир и человек. 2018. № 11.

Макаров Е. Проблема коррупции в финансовой и политико-административной системах Англии 1760–1780 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 4.

Маккроски Д. Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.

Манту П. Промышленная революция в XVIII столетии в Англии. Челябинск: Социум, 2023.

Менгер К. Социальные теории классической национальной экономики и современная экономическая политика // Истоки: 150 лет маржиналистской революции, 2023.

Мизес Л. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005.

Мокир Дж. Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Моруа А. История Англии. М.: Азбука-Аттикус, 2022.

Мюллер М. Введение в науку о религии. Четыре лекции, прочитанные в Королевском институте в феврале-марте 1870 года. М.: Дело, 2022.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Олсон М. Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Новое издательство, 2013.

Пипс С. Домой, ужинать и в постель (из дневника). М.: Текст, 2010.

Плотников И. Меркантилизм. М.: СОЦЭКГИЗ, 1935.

Рикардо Д. Начала политической экономики и налогового обложения. М.: Эксмо, 2007.

Ротбард М. Экономическая мысль: в 2 т. Т. 1. От Античности до Адама Смита. Челябинск: Социум, 2020.

Сакс Д. Эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.

Сидоренко Л. Английская контрреволюция против Американской революции: идейная и политическая борьба в Великобритании в период войны за независимость североамериканских колоний. СПб.: Изд-во РХГА, 2020.

Смирнов Е. История Христианской церкви. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2007.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.

Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии. М.: Либроком, 2011.

Тоуни Р. Религия и подъем капитализма. М.: Дело, 2023.

Травин Д. Англия: история успеха (Россия Нового времени: выбор варианта модернизации. Доклад 1). Препринт М-67/18. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

Травин Д. Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.

Уэрта де Сото. Австрийская экономическая школа. Рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2020.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. 1955. С. 244.

Allen R. The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War // *Exploration in Economic History*. 2001. Vol. 38 (4).

Fogel R. Catching Up with the Economy // *American Economic Review*. 1999. Vol. 89 (1).

Hague W. William Pitt the Younger. London: Harper Press, 2005.

Rubinstein W. D. The End of Old Corruption in Britain 1780–1860 // *Past & Present*. 1983.

Smith A. Lecture in 1755. Quoted in: Stewart D., *Account of the Life and Writings of Adam Smith LLD*, Section IV, 25.

Tilly C. Parliamentarization of Popular Contention in Great Britain, 1758–1834 // *Theory and Society*. 1997. Vol. 26 (2/3).

Trevelyan G. *British History in the Nineteenth Century and After (1782–1919)*. London; New York; Toronto, 1937.

World Bank. A Measured Approach to Ending Poverty and Boosting Shared Prosperity: Concepts, Data, and the Twin Goals. Policy Research Report. Washington, DC: World Bank, 2015.

Павел Валерьевич Усанов

**Загадка промышленной революции:
какое событие вызвало
промышленную революцию в Англии**

Препринт М-99/23

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 19.06.2023.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.

